

11 (37)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

НОЯБРЬ
2005

в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

В центре – митрополит Минский и Слуцкий Филарет, председатель СБК, справа от него – ученый секретарь СФИ Л.Ю. Мусина, слева – преподаватель аскетике СФИ С.Ф. Штадгауз.

14-17 ноября в Москве прошла конференция Синодальной богословской комиссии, посвященная эсхатологии. В ее работе приняли участие представители многих поместных православных церквей и богословских школ. Участвовали в ее работе и преподаватели Свято-Филаретовского института. В дни работы конференции своими размышлениями с читателями «Кифы» поделились члены Священного синода: председатель Синодальной богословской комиссии митрополит Минский и Слуцкий Филарет и митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир.

Кифа: Ваше Высокопреосвященство, почему дух общения так ослаблен в современной жизни и, к сожалению, церковная жизнь тоже не исключение? Это наследие тяжелых времен?

Митрополит Филарет: По-видимому, это следствие отсутствия у нас внутренней духовной работы. Дух Святой работает. Он готов работать. Но мы часто Его не слышим, не пускаем в сердце свое, чтобы дать Ему это поприще работы. Мы должны начинать эту духовную работу с себя. Хватит объяснять происходящее какими-то внешними причинами вроде: «Это не я, это Ева, которую Ты мне дал». Эту «адамову уловку» мы очень часто употребляем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СИНОДАЛЬНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ КОМИССИИ, МИТРОПОЛИТ МИНСКИЙ И СЛУЦКИЙ

ФИЛАРЕТ: ДУХОВНУЮ РАБОТУ НУЖНО НАЧИНАТЬ С СЕБЯ

Слава Богу, эти скромные четыре дня показали, что оживление есть, и православные христиане готовы к такому общению.

Кифа: Что для этого нужно?

Митрополит Филарет: Для этого надо работать. Вот завтра уже и начнем работать над подготовкой следующей конференции. Так что благодарение Богу.

Кифа: Владыка, я прошу у Вас благословения для читателей нашей газеты. Может быть, Вы обратитесь к ним с каким-то пожеланием?

Митрополит Филарет: Читатели газеты «Кифа», любите свою газету. Внимательно следите за ее содержанием и старайтесь в своей жизни проводить те идеи, которые через эту газету достигают всех нас и в частности, вас, уважаемые читатели. У нас к этим публикациям, к изданиям, газетам бывает не совсем добросовестное отношение. Мы стараемся читать то, что напечатано крупным шрифтом. Мы заголовки читаем и говорим, что эта газета прочитана, все хорошо. Если эта газета ваша, если она имеет свой круг чтения, то я думаю, что надо и редакции чаще обращать внимание и призывать читателей обратить на то-то или то-то внимание, на ту или иную статью. Бог в помощь и издателям и читателям.

Беседовал Александр БУРОВ

В номере:

Главное – если мы сможем сказать: «Христос среди нас»
Интервью с о. Виктором Потаповым о проблемах объединения с РПЦЗ.
С. 2

Конец света – это встреча со Христом

В Даниловском монастыре прошла конференция «Эсхатологическое учение церкви».
С. 4-5

ЧТО НАС ЖДЕТ?

Интервью с митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Владимиром

Кифа: Чем вызван Ваш интерес именно к этой конференции СБК, к эсхатологической тематике?

Митрополит Владимир: Этот год был очень трудным во многих отношениях, особенно по части природных катаклизмов. Пострадало огромное количество людей, цивилизации нанесен колоссальный урон, причем невосполнимый. И все очень серьезно задумались о том, что же нас ожидает. Я думаю, что эта встреча будет интересна не только нам – верующим людям, но и народам разных религий и разных континентов. Думаю, что к нам обратят свой взор многие люди, особенно, конечно, те, кто пострадал.

Кифа: Кроме законного беспокойства и естественного размышления о том, не наступают ли последние времена, бывает и некий нездоровый ажиотаж, связанный с ИНН и т.п. Скажите, чувствуете ли Вы в Вашей епархии напор людей, несущих нездоровые апокалиптические настроения?

Митрополит Владимир: У нас не было проблемы ни с ИНН, ни с паспортами, ни с отпечатками пальцев и, если говорить серьезно, в большом масштабе у нас нет ее и сейчас. Но из Москвы и других центральных епархий это к нам пришло и потихонечку стало пропагандироваться. Я все время стараюсь объяснить людям: если человек сам не войдет в сговор с нечистой силой, никто его не принудит. Ап. Павел сказал: «Идол в мире ничто есть».

Кифа: Владыка, прошла информация, что Вы выступили за канонизацию владыки Григория (Чужова)?

Митрополит Владимир: Да, конечно. Митрополит Григорий был исповедником. Из 80 лет жизни 60 он отдал Церкви. Он организовывал учебные заведения и в период гражданской войны, и в период НЭПа, и даже в 30-е годы. На 2-3 года, но где-то ему удалось это сделать – например, в Карелии, в Петрозаводске. В 1943 году владыка Григорий был назначен председателем Учебного комитета. И он разыскал бывших преподавателей, профессоров старой школы. Я нескольких помню – люди были удивительные. Так что его заслуга в деле возрождения просвещения и учебных заведений огромна. Он был замечательным проповедником. В годы, когда он был настоятелем Казан-

ского собора и Николо-Богоявленского храма, он произнес более четырехсот проповедей. Многие записано где-то у его духовных детей. Я его слышал несколько раз. У меня отец был священнослужителем, я понимал всю сложность церковно-государственных отношений и не раз думал: владыченка, как бы тебя не сгребли. Время было трудное, а он очень открыто, ярко, с большой критикой и очень православно говорил. Удивительный человек был, замечательный.

Кифа: Владыка, заметно, что в Вашей епархии особое внимание уделяется памяти новомучеников и исповедников. У Троицкого собора установлен памятник, есть храм памяти новомучеников. Скажите, как это отражается на жизни епархии?

Митрополит Владимир: Петербург пострадал больше всех других городов и регионов нашей страны. И поэтому для его жителей страдание – в крови и в сознании. Те, кто пережил блокаду, из нее еще не вышли. И поэтому для них вопрос страдальцев, новомучеников, исповедников очень близок.

Беседовала Александра КОЛЫМАГИНА

К дискуссии о языке богослужения
Мнение профессоров СПбДА вы можете узнать на с. 6-7

Что такое Западно-европейское православное братство?

Интервью с участниками и организаторами

конгресса братства.
С. 8-9

ГЛАВНОЕ – ЕСЛИ МЫ СМОЖЕМ СКАЗАТЬ: «ХРИСТОС ПОСРЕДИ НАС»

Интервью с протоиереем Виктором Потаповым

Протоиерей Виктор ПОТАПОВ – Настоятель собора Св. Иоанна Предтечи в Вашингтоне (РПЦЗ), основатель и редактор журнала «The Orthodox Monitor» («Православное обозрение»).

Кифа: Отец Виктор, мы знаем, что процесс примирения между РПЦ и РПЦЗ продолжается, идет большая серьезная работа на уровне согласительных комиссий, на уровне экспертов, архиереев. С одной стороны, все непросто, с другой – есть какое-то движение. Это не может не радовать. Но вот вопрос – как этот процесс не просто принимается или признается, а переживается народом РПЦЗ: прихожанами, приходским духовенством?

Отец Виктор Потапов: Конечно, я не могу говорить от имени всех приходов. Я могу сказать только о том, что происходит в моем приходе.

Прежде всего, я стараюсь информировать своих прихожан о каждом этапе совместной работы. Я имел честь участвовать в двух конференциях по новейшей истории Русской церкви, на которых обсуждались те вопросы, которые нас всех беспокоят – вопрос наследования церкви, вопрос новомучеников, вопрос декларации митрополита Сергия (Страгородского). Первая конференция состоялась в 2001 г. в Венгрии на сербском подворье в г. Сэнтендре, вторая – в 2002 году здесь, в Москве, в Синодальной библиотеке. Материалы этих конференций, в том числе и мой доклад, опубликованы. После каждой конференции я возвращался домой и рассказывал прихожанам, что происходит. И когда у нас было Всезарубежное пастырское совещание в городе Наяке, это пригород Нью-Йорка, мы тоже информировали прихожан до и после этого совещания. Потом, когда были опубликованы одновременно на двух сайтах – Московской патриархии и Зарубежной церкви – документы согласительных комиссий, я провел беседу с нашими англоязычными прихожанами на английском языке и другую с русскими на русском языке.

Безусловно, есть люди, которые относятся к этому скептически. Некоторые действия Московской патриархии многих людей очень смущают. Прежде всего, сервиллизм к безбожному правительству в прошлом и настоящем. Мы видим это в поступках и высказываниях некоторых иерархов и священников. Они немного пристрастно, или, лучше сказать, прислужнически, что ли, относятся к нынешней власти. Это настораживает. Еще многим из нас кажется, что если бы Московская патриархия просто ради мира вернула бы одно из тех мест – Хеврон или Иерихон которые были грубейшим образом у нас отобраны, это было бы поступком доброй воли и завоевало бы доверие очень многих наших людей, особенно тех, кто скептически, настороженно относится к процессу примирения. Переговоры продолжаются, и я надеюсь, что мы достигнем соглашения и по этому вопросу.

Мы, жившие все эти годы на Западе, воспитаны на ценностях западной цивилизации – я имею в виду ценности конституционного демократического порядка. Т.е. у нас нет принципа «послушание превыше всего» и если начальник сказал, то ты обязан сделать. У нас люди очень свободные. Никто никого не принуждает. В результате у нас свой подход к жизни. Я как священник могу высказать своему архиерею свое совершенно откровенное мнение по поводу церковной жизни. Наши архиереи доступны и выслушают. Т.е. я могу с ними говорить, хоть и не на равных, ведь церковь иерархична и, безусловно, влаδικа – князь церкви. Я должен держать себя с ним соответствующим образом, с уважением, безусловно, но я имею право высказаться.

Кифа: Не опасаясь последствий?

Отец Виктор: Абсолютно. К примеру, когда бывший наш первоиерарх митр. Виталий, который сейчас, в таком старческом возрасте, уже, к сожалению, больше не с нами, делал высказывания по поводу безблагодатности Московской патриархии, я ему написал обстоятельное письмо. Открытое. Это письмо – достояние общественности. Я ему говорил: «Владыка, вы проповедуете ересь», указывая ему, что у отцов церкви не было понятия безблагодатности, что это понятие появилось в период старообрядчества как обвинение в адрес «никониан». Я говорил: «Что Вы делаете? Ваши высказывания воспринимаются некоторыми как голос нашей церкви», хотя это было его

личное мнение, официально наши соборы и синоды никогда не занимали столь крайних позиций.

Мы стараемся довести до сознания наших людей (а у людей короткая память), что когда в начале 1920-х годов возникла Зарубежная церковь, мы тогда же заявили (это записано в первом параграфе нашего Положения, нашей конституции, устава Зарубежной церкви), что РПЦЗ – временное автономное церковное образование, которое прекратит свое существование с падением коммунизма. Очевидно, что после восьми десятилетий люди потеряли надежду на то, что эта наша мечта, то, о чем мы молились все эти годы, совершится в начале девяностых годов прошлого столетия. Но оно совершилось. Пал коммунизм. Нет больше СССР. Настало время делать выбор. РПЦЗ всегда считала себя свободной частью русской церкви. Всегда. Мы должны восстановить молитвенное единство с Церковью в России. Кроме всего прочего, это поможет нам в процессе воцерковления множества новопривезших из России прихожан.

Протоиерей Виктор Потапов и священник Георгий Кочетков в Новодевичьем монастыре.

Кифа: Это прибавило каких-то проблем?

Отец Виктор: И да и нет. Нет – в том смысле, что они ходят в храмы, просят крестить их и их детей. К сожалеению, большинство приезжающих эмигрантов не воцерковлены. Некоторые воцерковляются у нас, потому что у нас все делается не массово, а каждому можно уделить внимание индивидуально. Они начинают задумываться, начинают тяготеть к тому, что не ценили на родине. Они приходят к нам, потому что «там (в нашем приходе) Русью пахнет». Они приходят и духовно возвращаются к своим корням, вдруг осознают себя православными людьми. И мы стараемся с ними работать. Увы, большинство, конечно, приходит крестить своих детей, младенцев – и больше мы их не видим. Но отказать им нельзя, всегда есть надежда, что сказанное теплое слово после таинства крещения западет в их душу, может быть, они вспомнят когда-то то, что ты сказал, и возвратятся. С другой стороны, у нас есть достаточно много людей, которые приехали уже воцерковленными. Лицо моего прихода изменилось значительно за последние четырнадцать лет. Сейчас вверенный мне приход состоит преимущественно из новопривезших. Представители старой эмиграции уходят в лучший мир. У нас много обратившихся американцев – в результате смешанных браков, в результате духовных поисков. Они приходят, мы их принимаем, они принимают православие. Из троих диаконов в моем приходе, двое американцев, один из них афроамериканец, очень усердный. Другой тоже американец, Джон Кевин. До последнего времени у нас служил иерей Джон Джонсон, который сейчас основал собственную миссию. У нас так много американцев сейчас, что мы были вынуждены начать служить для них отдельную службу.

Кифа: На английском?

Отец Виктор: Да. Каждую субботу в четыре часа дня мы совершаем всенощное бдение по-английски. У нас есть отдельный английский хор, второй священник, который служит по-английски. Я тоже раз в месяц служу по-английски. А потом в 6.30 вечера мы служим вторую, славянскую всенощную. В воскресенье в восемь часов утра английская литургия, а вторая литургия – по-церковнославянски. Это всех удовлетворяет, потому что, во-первых, все слышат свою службу на родном языке и, кроме того, это просто разгружает церковь – наш храм не очень большой по площади и на одной литургии он бы не смог вме-

стить всех желающих. У нас очень много прихожан – около 300 семей, по эмигрантским понятиям это довольно большой приход, в общей сложности около 600 человек регулярно посещает храм. На каждой службе мы причащаем из двух чаш.

Кифа: Граница между теми, кто скептически относится к Московскому патриархату и теми, кто поддерживает процесс примирения, не проходит ли между американцами и новопривезшими?

Отец Виктор: Я бы сказал, что большинство американцев – за объединение, потому что они тоже понимают, что РПЦЗ должна урегулировать свой канонический статус. Ведь это, кроме всего прочего, означает, что у нас будет общение с другими поместными церквями. Мы не можем дальше жить в изоляции. Наши прихожане начинают думать о своих детях: хорошо, дети подрастут – что, они будут только с русскими общаться? Как сохранить их православие, если у них не будет сверстников и друзей, пусть арабов или представителей других этнических групп из американской церкви? Они должны общаться, это очень важно для того, чтобы сохранить подрастающее поколение в православии.

Кифа: Как простой человек может чувствовать каноническую неурегулированность положения РПЦЗ?

Отец Виктор: Большинство людей, наверное, об этом не задумывается. Они просто ходят в церковь, им хорошо. Много зависит от пастырей. Священники обязаны объяснить своим прихожанам догматическое учение о Церкви, объяснить, что есть определенные законы обустройства церковной жизни.

Кифа: А как будущее объединение может повлиять на положение Американской автокефальной церкви – ОСА?

Отец Виктор: Тут тоже возникают проблемы, над которыми сейчас работают комиссии. Строго говоря, если ОСА настоящая автокефальная церковь, то Русская православная церковь, казалось бы, потеряла права держать в США и Канаде свои приходы. В 1970 году, когда даровался томос и Американская митрополия получила свою автокефалию, приходы Московской патриархии в Америке должны были влиться в автокефальную церковь. Но этого не произошло, за исключением, может быть, единичных общин.

Пока же остается параллельная структура. Как эта проблема будет разрешена, я не знаю. Сейчас этот и другие вопросы обсуждаются на встречах согласительных комиссий. Во всяком случае, будет переходный период. Насколько я знаю, у нас в Зарубежной церкви ничего не должно измениться, кроме того, что мы будем почитать патриарха и получать миро от патриархии. Возможно, наш митрополит получит право голоса в Синоде – митрополит (или уполномоченный им епископ, если он сам не сможет быть) будет присутствовать на заседаниях Синода. А во всем остальном все останется по-прежнему. Мы будем избирать собственного митрополита.

Кифа: А евхаристическое общение?

Отец Виктор: Это самое главное, разумеется.

Кифа: С ОСА, наверное, тоже будет?

Отец Виктор: Было бы логично. ОСА и Зарубежная церковь были когда-то вместе, т.е. была одна Зарубежная церковь в географическом понимании слова. ОСА дважды с нами порывала отношения, и снова восстанавливала. Некоторым психологически будет трудно преодолеть барьер и пойти на общение. Это понятно. Многим мешает разница в календарях. Мы живем по старому календарю, ОСА – по новому. Если будет восстановлено евхаристическое общение с Московской патриархией и прозвучат между нами слова «Христос посреди нас» – «Есть и будет», Господь управит. Он дарует нам ясность ума, чтобы разрешить все остальные вопросы в отношении литургического общения с Американской православной церковью и другими поместными церквями. Я не пророк, не могу заглядывать в будущее, но очень надеюсь на Божию помощь, на то, что если мы будем искренне стремиться к объединению, к чему Христос призывал в первосвященнической молитве, то это может породить чудо дальнейшего объединения православия в мире.

Беседовал Александр БУРОВ

Круглый стол «Беседы любителей русского слова: православное духовенство о языке» прошел 24 октября в помещении филфака СПбГУ

В Голубом зале факультета не было ни одного свободного места, некоторые гости сидели по двое на одном стуле, многим пришлось стоять в течение всей встречи, более двух с половиной часов.

Участников и гостей круглого стола тепло приветствовала ректор университета, профессор, доктор филологических наук Людмила Алексеевна Вербицкая, видный специалист в области русского и общего языкознания, фонетики, фонологии и методики преподавания русского языка, автор более 200 научных работ, член комиссии по образованию Политического консультативного совета при Президенте РФ, Совета по русскому языку при Правительстве РФ. В своем выступлении она, в частности, коснулась проблемы богослужебного языка, отметив свое расхождение по этому вопросу с позицией митрополита Санкт-Петербургского и Ладоского Владимира. Владыка митрополит, по словам Людмилы Алексеевны, считает, что понимать не нужно, важно, чтобы люди «понимали сердцем». «Но ведь важно, чтобы люди понимали и значение каждого слова!», — заметила ученый.

Заявленная тема не предполагала разговора специально о языке богослужения. Планировалось выслушать и обсудить мнения священнослужителей по вопросам, касающимся красоты слова, критериев искренности и истинности, утраты духовной сущности слова и т.п. Однако, неожиданно для организаторов круглого стола, выступления докладчиков и последовавшая затем дискуссия были заняты почти исключительно темой языка богослужения. По словам ведущего круглого стола профессора П.Е. Бухаркина, для него было полной неожиданностью, что эта тема является настолько живой и волнующей.

Открыл заседание доклад известного библиста, профессора Санкт-Петербургской духовной академии ар-

химандрита Ианнуария (Ивлиева) (с содержанием доклада можно познакомиться на с.6).

Как один из актуальнейших вопросов церковной жизни охарактеризовал вопрос о языке богослужения другой преподаватель Санкт-Петербургских духовных школ известный историк церкви, профессор протоиерей Георгий Митрофанов (доклад опубликован в этом номере на с.7).

Затем последовала горячая дискуссия. Высказывались самые разнообразные мнения: от призывов читать Третиакоского для лучшего понимания церковнославянских текстов до нового славянского перевода и уподобления церковнославянского ивриту как специфическому способу (в случае церковнославянского) сохранения генофонда русского народа.

Бакалавр богословия Свято-Филаретовского православно-христианского института, член Свято-Петровского православного братства Анастасия Наконечная сообщила присутствующим об опыте современных переводов богослужебных текстов на русский язык, сделанных в институте под руководством его ректора — профессора священника Георгия Кочеткова, и предложила приобрести соответствующие издания. Это вызвало излишне эмоциональную реакцию у части аудитории. Однако ведущий сумел погасить страсти и закончил круглый стол словами о том, что имеются надежды и перспективы для продолжения заинтересованного разговора.

Дискуссия еще долго продолжалась в частном общении. Священники отстаивали возможность перевода богослужения на русский язык, а филологи возражали. Как прокомментировал это обстоятельство о. Георгий Митрофанов: «Для священников церковь, при всех проблемах, все же жива, а для филологов она, к сожалению, представляет собой скорее музей».

Александр БУРОВ

Состоялось паломничество сотрудников и студентов Свято-Филаретовского института в Румынию

Паломники знакомы с духовной и церковной жизнью Румынии, ее историей, культурой, жизнью новооткрытых монастырей и храмов, которых в Румынии немало, а также с историей, жизнью и многообразной деятельностью «Воинства Господня» — организации, созданной в 1923 году священником Иосифом Трифой (+1938).

Эта организация, несмотря на бывшие в ее истории трудности с некоторыми представителями церковной иерархии, является настоящей закладкой в процессе церковного возрождения и обновления Румынской православной церкви. Хотя ее можно назвать подлинно мирянским пророческим движением, в ее состав входят десятки священнослужителей из разных городов и сел страны. Члены «Воинства Господня» проводят регулярные катехизационные, библейские, миссионерские и просветительские встречи на базе приходов и учебных заведений, а также при помощи частных лиц, нередко предоставляющих свои помещения.

Президент «Воинства Господня» — Моисей Велеску, вице-президент — проф.-прот. Василий Михок, известный специалист по Священному писанию Нового Завета и миссиологии, возглавляющий в Сибиу миссионерский институт и параллельно являющийся профессором богословского факультета университета этого города.

«Воинство Господне» охватывает все слои церковного общества, пропагандирует ценности трезвения и миссионерской открытости на базе личной верности Христу и Его Церкви.

Последний день группа провела в Кишиневе, где встречалась с протестантской общиной, заинтересованной в православном опыте, ищущей свои корни в христианской церковной традиции, и с двумя группами взрослых людей, готовящихся к первой исповеди и причастию, хотя и крещенных в детстве. Также паломники приветствовали рождение еще одного братства, вошедшего в Преображенское содружество малых православных братств.

Литургия по чину святого апостола Иакова, брата Господня, совершена в Исландии в день памяти этого святого

5 ноября 2005 года православные верующие Исландии почтили память святого апостола Иакова, брата Господня по плоти. В этот день по благословению архиепископа Клинского Лонгина, представителя Русской Православной Церкви в Германии, настоятеля Свято-Николаевского прихода Московского Патриархата в Рейкьявике священник Тимофей Золотусский совершил Божественную литургию святого апостола Иакова, брата Господня и первого епископа Иерусалимского.

Вероятнее всего, это богослужение стало первым в истории Исландии совершением Божественной литургии по чину апостола Иакова. Богослужение совершалось на церковнославянском языке по Служебнику

Белгородской Духовной семинарии (с миссионерской направленностью) издания 2004 года.

Хотя, принимая во внимание распространенность этой литургии в Палестине и тот факт, что селившиеся на прилегающих к Исландии островах за 200 лет до официального крещения Исландии ирландские монахи придерживались монашеской традиции южного Уэльса, уходящей корнями в Галлию, куда она была принесена из Египта и Палестины, существует теоретическая возможность совершения этими подвижниками Литургии апостола Иакова на островах в VIII-IX веках. Однако никаких письменных или устных свидетельств об этом до настоящего времени не дошло.

В Экспертный совет нового неполитического движения «Образ будущего» вошли священнослужители

29 октября в здании МПГУ состоялось Учредительное собрание неполитического общественного движения «Образ будущего».

Движение, уже сейчас объединившее более 20 регионов России, ставит своей целью «развитие общественных «горизонтальных» связей с созданием общего пространства малых дел, в процессе осуществления которых возникнут общие смыслы и ценности, появится консолидирующая общество идея, образ будущего». Как говорится в подготовительных материалах собрания, в основе принципов движения лежит философия малых дел, представляющая собой осуществление малых скоротечных проектов с долевым участием населения, местных властей и регионального бизнеса, призванное, в процессе обсуждения приоритетов и последующего общего делания, объединить различные слои общества с перспективой самоуправления по типу земств.

На учредительном собрании присутствовали люди, уже сейчас осуществляющие (чаще всего в качестве добровольцев) самые разные социально значимые проекты, объединяющие от десятка-двух до нескольких тысяч человек. Среди присутствующих преобладали представители интеллигенции.

После продолжительной дискуссии участниками учредительного собрания был принят Устав движения и избраны руководящие органы — секретариат и Экспертный совет. Секретариат движения возглавил известный тележурналист А.Г. Гордон. В Экспертный совет, который должен, в соответствии с принятым положением о нем, объединить «наиболее нравственно авторитетных и профессионально квалифицированных граждан», были избраны президент Российского библейского общества прот. Александр Борисов, президент Международной ассоциации фондов мира А.Е. Карпов, ректор СФИ проф.-свящ. Георгий Кочетков, доктор физ.-мат. наук, президент ассоциации «Женщины в образовании» Г.Ю. Ризниченко, доктор филос. н. акад. В.С. Степин, заслуженная артистка РФ Ч.Н. Хаматова, доктор физ.-мат. наук, проф. Д.С. Чернавский, доктор пед. наук, член-корр. РАН Е.А. Ямбург и некоторые другие.

На съезде выступила ученый секретарь СФИ Л.Ю. Мусина и зачитала приветствие участникам от имени о. Георгия Кочеткова.

ПРИВЕТСТВИЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОМУ СОБРАНИЮ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ «ОБРАЗ БУДУЩЕГО»

Москва, 29 октября 2005 г.

Уважаемые дамы и господа, дорогие братья и сестры!

Создание в нашей стране общественного движения «Образ будущего» воспринимается как светлый луч новой надежды. Сама его философия малых дел, акцент на общем делании, диалоге, на движении снизу, на внутренней потенции без упования на внешнюю помощь вызывает не просто сочувствие, но и настоящую радость и доверие. Во всем этом слышатся христианские евангельские подходы к жизни человека и общества, к отношению с властью и окружающим нас миром. Принцип самоорганизации — это принцип жизни. Принцип целостности и стабильности предполагает открытость человека и общества, что требует веры в человека, который в наше время столь неотложно нуждается в духовно-нравственном исцелении. Это открывает нас и вере в Бога — вере без суеверия и идеологии изоляционизма, фундаментализма и фарисейства.

Опыт религиозного и культурного творчества действительно способен поддержать дух народной общности и здоровой корпоративности, создать ту почву, которая почти исчезла в нашей стране в результате нашей трагической истории, особенно в XX веке. Каменная почва должна стать плодородной, что, конечно, потребует больших усилий со стороны всех слоев наших граждан, и в первую очередь от людей образованных и интеллигентных.

«Образ будущего» не выглядит чем-то диссидентским или оторванным от жизни. Трезвость и духовная трезвенность действительно могут открыть здесь врата для взаимопомощи и поддержки со стороны самых разных людей и сил. Голая пустыня должна процвести. Наш народ и наше общество, как и наша церковь, должны возродиться, подняться, очиститься и начать двигаться вперед, не боясь за свое будущее, за свою историю и помня о своей ответственности перед Богом и людьми.

Приветствую всех откликнувшихся на эту новую замечательную инициативу. Пусть она для всех нас будет и глотком свежей воды, и точкой отсчета для дальнейшего вдохновенного делания.

С глубоким уважением ко всем собравшимся,
 проф.-свящ. Георгий КОЧЕТКОВ,
 ректор Свято-Филаретовского
 православно-христианского института,
 духовный попечитель Преображенского содружества
 малых православных братств

КОНЕЦ СВЕТА - ЭТО ВСТРЕЧА СО ХРИСТОМ

Международная научно-богословская конференция «Эсхатологическое учение церкви» прошла 14-17 ноября в Москве на территории Даниловского монастыря

Для участия в конференции в Москве собрались известные богословы и деятели светской науки из многих стран: профессор Христос Яннарас (Афинский университет), епископ Афанасий (Евтич), профессора Парижского Свято-Сергиевского богословского института, Духовных академий и теологических факультетов университетов Австралии, Австрии, Германии, Греции, Италии, Франции, США и ряда других стран, представители Поместных Православных Церквей.

В работе конференции также приняли участие видные политологи, историки, философы и публицисты. Участники конференции представили около шестидесяти докладов, в которых эсхатологическое учение Церкви было рассмотрено с разных точек зрения.

Богословская конференция Русской Православной Церкви проводится раз в два года. Это крупнейший международный интеллектуальный форум, собирающий под эгидой Синодальной богословской комиссии Русской православной церкви лучших православных богословов современности для осмысления текущих проблем не только церковной, но и общественной жизни, выработки христианского отношения к вызовам современного мира.

14 ноября 2005 года работу конференции открыл Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II. После его краткого вступительного слова было оглашено приветствие Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С.М.Миронова. Затем начальник Отдела по работе с общественными и религиозными объединениями Аппарата Полномочного представителя Президента России в Центральном федеральном округе М.Н.Белогобова огласила приветствие Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе Г.С.Полтавченко.

После оглашения приветствий к присутствующим от лица организаторов конференции обратился председатель Синодальной Богословской комиссии, Патриарший Экзарх всея Беларуси митрополит Минский и Слуцкий Филарет.

«Эсхатология является одной из важнейших тем современной богословской и религиозной мысли. К ней обращались как православные, в частности, русские, так и инославные авторы. Мы услышим сообщения о новейших интерпретациях христианской эсхатологии, которые следует рассматривать и оценивать в свете церковного вероучения и святоотеческого предания. Такой диалог представляется весьма полезным и плодотворным», — подчеркнул митрополит Филарет. Проблема эсхатологии будет исследована в библейской перспективе, в историческом контексте, в связи с литургическим богословием и Преданием Церкви, с вызовами и соблазнами наших дней.

В первый день работы форума на пленарных заседаниях выступил с докладом «Божий Промысл и человеческая свобода» председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Управляющий делами Московской Патриархии митрополит Калужский и Боровский Климент зачитал доклад «Эсхатология в книге пророка Исаии».

Во второй половине дня выступили профессор епископ Афанасий (Евтич), профессор Константин Скутерис, профессор священник Иоанн Бер, профессор Христос Яннарас.

Последний доклад, последовательно отстаивавший апофатический подход к эсхатологии и противопоставлявший религии как потребности в некоей исчерпывающей информации о загробной жизни христианскую веру и жизнь, которые дают возможность предчувствовать в отношениях между членами церкви грядущую полноту, вызвал бурную дискуссию.

Окончание пленарного заседания. В президиуме — митрополит Владимир Санкт-Петербургский и Ладожский и митрополит Филарет Минский и Слуцкий, председатель СБК.

Вопросы участников конференции, обеспокоенных тем, не оскорбляет ли таким образом профессор Яннарас представителей других религий и не пропагандирует ли невежество, подтвердили опасение докладчика о происходящей идеологизации языка церкви.

15 и 16 ноября конференция продолжила свою работу в формате секций и тематических круглых столов.

Тон дискуссии задавали экуменически ориентированные богословы и философы. Последовательно отстаивая подход т.н. био-центризма («весь космос предназначен для вечного блаженства»), о православных богословских основаниях экологии говорил в своем докладе «Творение и эсхатон» профессор протоиерей Эммануил Клаписис (Крестовоздвиженская семинария, Бостон, США). Опираясь, в частности, на богословие св. Ирины, энергично отвергавшего гностические представления о материи как о зле, о. Эммануил подчеркнул, что: «православное богословие не говорит о полном уничтожении творения». Из этого положения, по мнению докладчика, вытекает необходимость для людей «жить в солидарности с планетой», которая «всегда будет нашим домом», а «не только орудием». И значит, природа «вечно будет пребывать домом для преображенного человечества». В дискуссии после доклада о. Эммануил отметил, что эсхатология не предполагает просто восстановления уже бывшего — «райского» состояния человека. Он подчеркнул важность положения «творение — открытый, продолжающийся процесс». В том смысле, что Бог никогда не оставил мир.

Известный православный библист, президент Всемирной конференции ассоциаций богословских институтов (WOCATI), профессор Петр Василиадис из Фессалоникского университета в своем докладе рассмотрел место эсхатологии в евхаристической экклезиологии протопресвитера Николая Афанасьева. По мнению профессора Василиадиса, «традиционная евхаристическая экклезиология» о. Н. Афанасьева «так и не приобрела крепкого библейского основания, и, как следствие, — эсхатологической основы». Помня о том, что богословский гений о. Николая может считаться «тяжелой артиллерией» современного православного богословия, профессор Василиадис рискнул предложить новую, более библейски обоснованную — «эсхатологическую экклезиологию».

Согласно Василиадису, изучение как ветхозаветной, так и новозаветной экклезиологической терминологии: «дом веры» (Еф. 2 : 11), «общение» (1Кор. 1 : 9), «невеста Христова» (Еф. 1:31; Откр.

21:9), «малое стадо» (Лк. 12: 32), «семья Христова», oikos и т.д., — все указывает на то, что Древняя Церковь понимала себя как общину, как народ, связанный «любовью и Духом от Бога во Христа», а не внешней структурой.

Главным элементом «эсхатологической экклезиологии» является общение. В связи с этим, «эсхатологическая экклезиология» понимает все служения Церкви и особенно служения рукоположенного священства не как власть и службы в традиционном светском смысле, а как образы подлинного эсхатологического Царства Божия.

Предложенная профессором Василиадисом «эсхатологическая экклезиология» есть, по его мнению, экклезиологическое развитие и имеет доктринальные, миссиологические и канонические следствия.

Доктринальное следствие состоит в том, что верховная власть в церкви принадлежит «не какой-либо священнической (даже соборной) структуре, а всему народу Божию», т.е. с точки зрения Василиадиса, — «евхаристической общине».

Для миссии следует призвание христиан «проповедовать не набор данных религиозных убеждений, доктрин, моральных заповедей и т.д., а грядущее Царство, благовестие о новой эсхатологической реальности, <...> переживаемое на их евхаристических собраниях».

Каноническим следствием является епископоцентричная, но не епископатическая структура церкви. «Нельзя больше говорить ни о духовенстве и мирянах, ни о иерархическом устройстве (которое в светском традиционном смысле является отражением не кенотического божественного устройства, а падшего мирского исторического устройства), а о диаконическом». Поэтому православные традиционно используют «иконическое», а не «иерархическое» понимание всех священнических служений.

Говоря об отношениях церкви и государства в дискуссии после доклада, профессор отметил, что, присутствуя в обществе, церковь не должна растворяться в социальном процессе, а также то, что «церковь — не идеология, а общение и община».

Объемный доклад, подводящий итог изысканиям крупнейших протестантских богословов XX века, представил профессор Гейдельбергского университета Михаэль Велькер. Подвергнув критике эсхатологические идеи Рудольфа Бульмана (эсхатология настоящего) и Юргена Мольмана (эсхатология будущего), профессор Велькер предложил понимание эсхатологии как включающей настоящее

и будущее и ориентированной на вечность — «вечную эсхатологию».

Украшением второго дня работы конференции был доклад американского профессора Поля Вальера об эсхатологических взглядах Русской или, по его выражению, богочеловеческой философской школы (архим. Феодор (Бухарев), В.С. Соловьев, о. Павел Флоренский, о. Сергей Булгаков). В отличие от неопатристической школы (о. Георгий Флоровский, В. Н. Лосский, о. Иоанн Мейендорф и др.) представители богочеловеческой школы углубленно интересовались апокалиптической темой.

Так для о. Сергия Булгакова основной вопрос эсхатологии заключался в следующем: рассматриваем ли мы апокалиптические тексты Нового Завета как нечто существенное, как то, что иначе не могло бы открыться Церкви? Или же для нас эти тексты — только «эпилог» новозаветной истории, эпилог немаловажный, но не имеющий принципиального значения для нашего понимания самого бытия и миссии Церкви? Для о. Сергия, по мнению проф. Вальера, решающее значение имеет вопрос о том, имеет ли вообще Церковь историческое будущее: «Есть ли в жизни Церкви это Будущее, т.е. реально наполненное время, содержащее в себе новое творчество, новое пророчество, новое вдохновение?...»

По Вальеру, о. Сергей Булгаков обозначает три возможных ответа на поставленный вопрос. Первый — это ответ примитивного апокалиптизма. В соответствии с таким представлением, апокалиптическая проповедь есть просто возвещение конца.

Второй ответ — это ответ, традиционного «клерикального спиритуализма». Его главная идея в том, что «история Церкви внутренне закончена, хотя внешне и продолжается, ибо Церковь уже имеет в себе полноту своих свершений». Все существенное уже открыто и уже дано навсегда. Как отметил проф. Вальер — «Историческое христианство часто, особенно в лице клерикальных элит, приветствовало спиритуализированный подход к апокалиптике, потому что он предполагал отрицание значимой, с богословской точки зрения, новизны в истории и тем самым укреплял позиции установившейся церковной власти».

У спиритуализма и примитивного апокалиптизма есть одна общая черта: они оба не придают историческому процессу как таковому религиозного или богословского значения. История — это фон, своего рода декорация для Церкви, которая не связана с ней никакими органическими связями».

О. С.Булгаков, как подчеркнул Вальер, придерживается того, что он называет «третьим типом» апокалиптики. Существенным для него является «положительное чувство истории», признание того, что «в истории не только раскрывается раздирающая трагедия противоборства добра и зла, но и нечто совершается, без чего и ранее не может она закончиться, и, следовательно, не совершится и пришествие Христова». Аксиомы апокалиптики (по Булгакову) таковы: «Человечество погружено в историю и не может не мыслить о ней»; «Церковь имеет свои исторические судьбы, раскрытия которых она не может не искать». Эта двойная историческая задача — поиск «историодидеи» — постоянно побуждала интерес к богочеловеческой школе.

Подводя итог своего выступления, проф. Вальер поставил вопрос: «Каков же ответ на вопрос о том, почему богочеловеческая школа проявляла интерес к апокалиптическому богословию?» И так ответил на него: «Уже в работе архимандрита Феодора (Бухарева) мы можем найти основную корреляцию: интерес о. Феодора к формулированию позитивного богословия «мира» и истории привел

его к Апокалипсису Иоанна, потому что для апокалиптики мир или, точнее, богословская проблема мира и его «оправдания» (как любил говорить Вл. Соловьев) является смысловым центром эсхатологии». Преемники о. Феодора в рамках богочеловеческой школы развили богословие «мира» и истории в весьма изощренных работах по богословию культуры, философии истории и того, что назвал проф. Вальер — «догматикой Церкви и мира», т.е. экклезио-космической догматикой. Поскольку их занимала богословская проблематика «мира» и истории, постольку они обращались и к Апокалипсису Иоанна.

А в неопатристическом движении, с другой стороны, богословский диалог с миром отошел на второй план в сравнении с усилиями дать определение Церкви и ее внутреннему преданию. Для богословов неопатристического направления «мир» был гораздо в меньшей степени предметом богочеловеческого рассмотрения, чем для представителей богочеловеческой школы. В свою очередь придание проблеме «мира» второстепенного значения приводило к отсечению в маргиналии апокалиптического богословия и к возврату спиритуализированного эсхатологизма.

По справедливому замечанию докладчика: «апокалиптическое богословие всегда будет проблематично в рамках богословского метода, основанного всецело

чательно истощивавших себя идеологий требовал обращения к иной мыслительной парадигме», — отметил проф. Сигов.

В 2001 году Аверинцев изменил финал статьи «Эсхатология»: «Ситуация срезной эсхатологии, оказывающейся в угрожающем пространстве между агрессией и со стороны секуляризма, и со стороны сектанского духа, — проблема для сегодняшнего религиозного мыслителя, какова бы ни была его конфессиональная (или внеконфессиональная) принадлежность».

Проф. Сигов выделил важное для Аверинцева различие индивидуальной и универсальной эсхатологии. В первом случае особая роль принадлежит Египту, а во втором — древнему Израилю и библейской традиции. Согласно библейскому подходу, императив эсхатологии переносится в духовный мир человека и его религиозно мотивированные отношения с другими людьми. «Праведность межличностного общения» как эсхатологический горизонт ведет по ту сторону слишком схематической оппозиции индивид — мир». Евангелие от Луки 17:21 в аверинцевском переводе: «Царство Божие посреди вас».

Это, по мнению Сигова, является ключом к аверинцевской интерпретации философии Владимира Соловьева. Аверинцев выделял первоначальную интуицию всей философии Соловьева как предшествующее всякой абстракции пережи-

— заключил митрополит. Ключевым вопросом сегодня, по мнению владыки Кирилла, является вопрос о том, как нам (православным христианам) в современном мире отстоять право жить по вере и ее проповедовать. Отметим, что сегодня христианам приходится действовать в исключительно сложных условиях, митрополит Кирилл заметил, что православное послание миру не может быть только отрицательным.

Особо глава ОВЦС МП остановился на вопросе межконфессионального и межрелигиозного сотрудничества. При этом он сказал: «Эпоха классического экуменизма закончилась». Однако, если православие будет в одиночестве обращаться к миру, то это будет малоубедительно. Необходимо новое основание для межконфессионального и межрелигиозного диалога, «свободное сотрудничество целостных общин». Таким основанием, «стыковочным звеном», по выражению митрополита Кирилла, может стать нравственное начало. «Мы должны первыми начать диалог с миром», — заявил митрополит.

В начавшейся затем дискуссии были представлены самые разные точки зрения на проблему глобализации.

Здесь звучали даже исключительные крайние высказывания, кульминацией которых стал призыв журналиста Е.С. Холмогорова, выступавшего за поддержание мощного ядерного потенциала в мире, «освящать ядерные боеголовки» во избежание возможного в этой ситуации самозапуска, ведущего к мировой ядерной катастрофе. В ходе дискуссии архиеп. Львовский Августин усомнился, возможно ли освящать оружие массового уничтожения, отметив, что в традиции было принято освящать лишь личное оружие, скажем, саблю. Один из участников конференции охарактеризовал высказывание Е.С. Холмогорова как трогательный юношеский порыв людей, которые при этом сами не идут в армию.

Можно было услышать и сугубо аналитические выступления. Одним из них стало слово обозревателя газеты «Известия», телеведущего канала «Культура» А.Н. Архангельского. По мнению журналиста, после окончания холодной войны мы живем в мире без центра. Моделью такого мирового устройства можно назвать интернет. Характерной особенностью современного мира является изменившаяся природа богатства. Из материального оно стало виртуальным, поэтому теперь нет смысла в войнах на границах и в массовых армиях в мире, где происходит перетекание «как шариков ртути» уже не отдельных людей, а целых народов. В этих условиях встают вопросы, на которые церковь пока не дает убедительного ответа: что значит быть русским, что значит быть верным солдатом, надежным менеджером, хорошим гражданином? Особенно интересен был вопрос, который, как заметил Александр Архангельский, пока еще нельзя отнести в полной мере к российской ситуации: что такое милосердие в обществе, где нищих нет? В таком обществе зачастую основной формой нищеты является нехватка общения, и самое дорогое, что может человек потратить как милостыню, — это время.

Примирителем всех точек зрения попытался выступить заместитель председателя ОВЦС протоиерей Всеволод Чаплин. Он отверг две крайних позиции верующих людей в отношении внешнего мира и его вызовов: безразличия и психологию «осажденной крепости». «Надо добиваться того, чтобы мы вызывали уважение своей духовной состоятельностью и правотой», — призвал о. Всеволод. Он также озвучил идею «формировать пул православных общественных неправительственных организаций» для продвижения православных ценностей во всем мире. При этом он предложил «пробиваться в едином строю, а не разрозненными партизанскими группами, как действует иногда православная общественность».

Образность последнего высказывания показательна для характера всего обсуждения на круглом столе. Оно было, главным образом, политологическим и социологическим. Характерна оговорка одного из выступавших — А.В. Юдина. Цитируя известное высказывание В.Соловье-

Ученый секретарь СФИ Л.Ю. Мусина и проф. Василиадис.

ва: «Задача государства — не допустить ада на земле», он заменил слово «государство» словом «христианство».

Богословски ориентированный ответ попытались предложить диакон Андрей Кураев и профессор А. А. Алексеев (СПб-Петербург). Диакон Андрей в качестве ответа предложил читать православный катехизис, а профессор Алексеев, поддержав его идею о катехизации, высказался за развитие православной миссии и всестороннего богословского и гуманитарного образования. Далее профессор Алексеев особенно подчеркнул важность реальной православной общины. «Так как в нашем неструктурированном обществе человек должен соотноситься со всем обществом и принадлежать обществу в целом — ему очень тяжело». А.А. Алексеев призвал к развитию общин, которые создадут чужую структуру общества. Иллюстрируя свое высказывание, он напомнил собравшимся, как в 1989 году в СПбДА публика стоя аплодировала блестящей речи митрополита Кирилла о насыщенности развития православной общины.

Во второй половине дня прошло подведение итогов конференции. Было отмечено значительно возросшее по сравнению с прошлыми конференциями число докладчиков, а также многообразие представленных ими точек зрения.

Ведущий конференции председатель Синодальной Богословской комиссии митрополит Филарет сердечно поблагодарил всех участников за «праздник, который они составили». Он предложил тему следующей конференции «Пневматология — учение о Духе Святом».

В числе других владыка сердечно поблагодарил за участие и выступления представителей СФИ.

В ответном слове один из докладчиков, зав. кафедрой догматики и др. богословских дисциплин Свято-Филаретовского института, к.филол.н., доцент Д.М. Гзгзян сказал: «Огромное спасибо, Ваше Высокопреосвященство, за высокую честь принимать участие в работе этого широкого богословского форума. Для нас это действительно впервые проходит в форме непосредственного участия. Мне хотелось бы отреагировать на Ваше предложение провести следующую конференцию по пневматологической теме, потому что мне видится, что складывается традиция, несколько утраченная, живого общения в контексте богословия. И то, что, как Вы отметили, на этой конференции очевиден резкий рост числа участников и явное расширение этого контекста, — обнадеживает. Это говорит о том, что складывается тот необходимый фундамент, на котором всегда в церкви и развивается положительное систематическое богословие — дух общения. В этой связи особенно внимательно отнестись к тому, что дух общения и есть генерирующее положительные импульсы для богословия начало. Потому что — что же есть Святой Дух, как не Дух общения, преодолевающий одиночество, о котором сегодня говорилось как об одном из вызовов современного мира?»

После принятия темы следующей конференции о пневматологии форум завершил свою работу.

Обсуждение доклада. Ведущий секции — епископ Афанасий (Евтич), докладчик — преподаватель христианской этики СФИ Давид Гзгзян.

на понятии Предания. Апокалиптическое пророчество говорит о том, что должно произойти «после сего», оно выходит за пределы того, что уже известно и освоено. Оно ставит под угрозу установившийся порядок, вынуждает старое идти на встречу с новым <...> мыслители богочеловеческой школы могли заниматься апокалиптической проблематикой, потому что осознавали пределы Предания». С другой стороны, заметил проф. Вальер: «тот факт, что апокалиптическое богословие вынуждает богословов выходить за пределы Предания, является еще одной причиной того, что неопатристические богословы старались держаться подальше от апокалиптики и склонялись к спиритуализированному эсхатологизму. Последний был, конечно же, гораздо более традиционным разрешением эсхатологической проблемы».

Отвечая на вопрос нашего корреспондента о судьбах Русской (богочеловеческой) школы, проф. Вальер эмоционально воскликнул: «Она должна возродиться! Я верю в ее будущее!» В русле традиции Русской философской школы находилась и деятельность Сергея Сергеевича Аверинцева. Основным положением статьи С.С. Аверинцева «Эсхатология» в знаменитом 5-м томе философской энциклопедии (1970 г.) был посвящен доклад проф. К.Б.Сигова из Киево-Могилянской Академии. Присутствовавшая в статье переориентация истории на библейскую эсхатологию бросала вызов секулярному мессианизму «авангарда человечества». «Триумфальный монтаж исторического материализма утрачивал остатки декоративной убедительности и слой за слоем демонтировался. Кризис окон-

чание «правды» — «добра». Соловьевское переживание правды как источника упования (Аверинцев вспоминает здесь Расина: «О упоительный Закон!» «O charmanthe Loi!»), столь непонятное современным людям, роднит философию Соловьева с ветхозаветными текстами, где закон назван «утешением для человека», «веселием сердца», сладостью «лучше меда». «Не долгом, а сладостью. Что бы там ни говорил Кант».

Отдавая должное этическому эросу мысли Соловьева, Аверинцев подвергает критическому разбору его склонность к утопическому максимализму. Эта дистанция проявила свойственный мысли Сергея Сергеевича особый этос трезвости, который греки описали категорией *perispis*.

«Удачный и очень насыщенный день» — так ответил проф. Вальер председателю СБК митрополиту Минскому и Слуцкому Филарету на вопрос о впечатлениях от второго дня работы конференции.

17 сентября конференция завершила свою работу. В первой половине последнего дня работы конференции прошел круглый стол «Глобализация и эсхатология». Открыл заседание председатель ОВЦС митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Он поделился своими размышлениями по теме круглого стола. В частности, владыка отметил, что сейчас судьбы всего мира определяются в закрытых, никому не подотчетных центрах, каковыми являются правления транснациональных корпораций. Эти небольшие, замкнутые группы действуют вне всякого контроля СМИ, национальных правительств и парламентов. «У кого деньги — у того и власть. Церковь не может не придавать этому значения»,

ХРИСТИАНАМ ЧУЖДА ИДЕЯ САКРАЛИЗАЦИИ

доклад проф.-архим. Ианнуария (Ивлиева) на круглом столе
«Беседы любителей русского слова: православное духовенство о языке» в СПбГУ 24 октября 2005 года

На молитве в часовне СФИ. Фото Б. Левицкого

Мне как представителю Церкви и библисту пристало говорить о языке Русской Православной Церкви и - что для меня предпочтительнее - языке Библии. Но, как для христианина, ещё важнее мне говорить о языке не просто как о культурном феномене, но как о средстве христианской миссии в мире.

Однако можем ли мы говорить о языке Церкви как о чём-то едином? В Церкви используются разные языки - церковнославянский и русский, а внутри церковнославянского языка (если же быть точным, - в церковнославянских текстах) мы обнаруживаем такие глубокие различия, что подчас кажется, будто речь должна идти о разных церковнославянских языках. Да и вообще не существует единого языка РПЦ. Мы ведь можем также говорить о:

1. языке Писания;
2. литургическом языке молитвы и церковной поэзии;
3. языке богословия;
4. языке проповеди;
5. бурсацком жаргоне и т.д.

Церковь всегда бережно относилась к слову. В течение веков именно в Церкви было средоточие культуры и образованности. Сами культура и образованность долгое время были синонимами словесной церковности. Вместе с христианством на Руси возникла особая лингвистическая форма церковной письменности и проповеди.

Нет нужды говорить и о достоинствах церковнославянского языка. Этот язык имеет великие заслуги и обладает непревзойдённой красотой для внимающего и даже не очень внимательного уха русского человека. Его звучание величественно и благородно. Но вот парадокс: неся на Русь христианство, этот язык одновременно стал чем-то сакральным, а тем самым противоречащим одному из важнейших достижений христианства. Не забудем, что христианство принципиально лишило не только язык, но и вообще что бы то ни было статуса сакральности. Сакральность - идея распространённая, но вовсе не христианская по своей сути.

Следует напомнить, что христианство никогда не имело и принципиально не могло иметь «сакрального», священного языка. В отличие от, скажем, ислама или иудаизма. Так, язык ислама не может не быть языком Корана. Язык синагоги после «неудачного» опыта с Септуагинтой не может быть иным, кроме как еврейским языком Писания. Как говорил в одной из своих лекций Аверинцев, «с христианством всё с самого начала иначе. Христианство возникает среди иудейского народа и затем распространяется среди каких угодно народов, только не среди иудеев, то есть того народа, среди которого оно родилось. Священный язык? Евангелие и вообще все новозаветные сочинения мы имеем по-гречески; но они были написаны уже как перевод.... Языком самой начальной христианской проповеди был арамейский язык. И, тем не менее, ни единое изречение Христа не дошло до нас в своём арамейском подлинном виде. Под знаком перевода, передвижения из одной языковой сферы в другую... христианство стоит с самого начала».

Христианство как «поклонение в духе и истине» не может быть фиксировано ни в какой лингвистической

форме. Различные языковые формы христианство принимает, освящает, часто придёт им большее значение, но никогда не абсолютизирует, как это делается в других религиозных системах. Это в полной мере относится к языку Церкви. Для иудаизма и ислама Священное Писание - как текст, как совокупность букв, звуков, слов, фраз - это самая последняя инстанция откровения, а потому - реальность надмирная и премирная, предшествующая мирозданию. Христианин же никогда не найдёт необходимым и даже возможным подсчитывать буквы Священного Писания и строить из них разные комбинации, как это делали и до сих пор делают иудеи (вспомним недавние эксперименты с так называемым «Библийским кодом»).

Христианам совершенно чужда идея сакрализации Слова Божия (в смысле Священного Писания). В Евангелии от Иоанна сказано: «В начале было Слово» (Ин 1,1). Но было бы герменевтическим произволом понимать это Слово, Которое было в начале, в некоем метафизическом или даже лингвистическом, речевом смысле (а такое толкование часто приходится встречать). Для христианина Слово Божие - это вторая ипостась Бога Троицы, воплощённая в Иисусе Христе, живой Логос, Который был до создания мира. В исламе предвечно существует Слово Корана, для иудея предвечно существует Премудрость как Слово Торы. Для христианина предвечно существует не текст, и не «слово» в его возвышенной отвлечённости, а Сын Божий, Иисус Христос. Это Он - единственное, первое и последнее Слово. А то, что мы привыкли называть Словом Божиим (Библией, Священным Писанием, а сюда можно отнести и некоторые писания святоотеческие, литургические и т.д.), есть всего лишь более или менее значимый текст, свидетельствующий о том единственном и живом Слове Божиим. Интересно, что если Мухаммед свой Коран писал, то проповедь Иисуса Христа была от начала до конца только устной, только - живым голосом. Да и тот нам не слышен, ибо мы знаем лишь его пересказы и переводы.

В Церкви предпринимались попытки сделать тот или иной язык сакральным (греческий, латинский). И в нашей среде есть искушение оценить как сакральный церковнославянский язык, то есть язык литургии и молитвы. Но при всех величайших заслугах этого языка не существует абсолютно никаких богословских или мистических оснований для сакрализации этого языка «переводом в квадрат» (с арамейского на греческий и с греческого на славянскую основу).

Наша великая ценность, русский язык, был сформирован церковнославянским языком перевода библейских и литургических греческих текстов. Тем самым русский язык впитал в себя специфику поздней античной и послантичной культуры, выразившей себя в эллинистической и византийской церковной словесности. Это подарок судьбы. На какой другой язык можно почти адекватно и по содержанию и по форме перевести греческую поэзию, скажем, Гомера?! Из близких нам европейских языков разве только ещё на немецкий. Но не об этом речь.

Речь о парадоксальности этого великого дара судьбы. Христианство в нашем этническом ареале было возведено на церковнославянском языке. Не на естественно-разговорном языке привычного общения, но на искусственном, изначально отчужденном от общности языке, который был вроде бы и понятным и одновременно непонятным, чем-то средним между профетией и глоссолалией, языком человеческим и «языком ангельским» (вспомним Первое послание к Коринфянам). Он действительно был как бы даром с эллинизированных небес. Однако за этот дар пришлось бы платить. И платой была некоторая подмена живой христианской керигмы, «добраго известия» той проповедью, которая была обременена таинственной невнятистью и особой красотой, вызывающей священный трепет и приподнятой над грешным миром, короче говоря, всеми чертами сакральности. И это имело (я высказываю мою личную точку зрения) следствия, отнюдь не ожидавшиеся творцами церковнославянских текстов, а тем самым и русского языка. Если прибегать к аналогии, то можно сказать, что христианство на Русь пришло в «премудрости слова», а не в спасительном «юродстве проповеди» (1 Кор 1,17.21), в форме речи александрийца Аполлоса, а не тарсянина Павла.

Разумеется, вопрос не столь схематично прост. Но в известном смысле именно церковный язык стал одной из главных причин того, что теперь русский народ нуждается в новом Просвещении и Крещении. А это стало уже едва ли не общим местом в рассуждениях о судьбах христианства в России.

Основная и прямая задача Церкви - миссия через научение, которое, разумеется, должно начинаться словом, чтобы вести к Слову. Но какое слово обязана Церковь нести в мир?

Слово церковнославянской литургической традиции? Однако для мира, что бы там ни говорили, этот

язык сейчас (как, впрочем, и прежде) - прекрасная глоссолалия, нечто туманно-возвышенное. Иногда делается упор на литургическую темноту, якобы необходимую для проникновения в некие мистериальные глубины, - идея захватывающая, но гностическая, никакого отношения к христианству не имеющая.

Слово Писания? Тем более, что оно распространено преимущественно в русском Синодальном переводе. Прекраснодушные мечты! Не те времена, не те форматы.... При всех исторических заслугах в этом переводе и без того сложнейшего для понимания текста, помимо множества ошибок и чудовищных невнятистей, едва ли не через каждую строчку наталкиваешься на слова, которые изменили свою семантику. Однако перевод Писания требует особого рассмотрения.

Остаётся слово евангельской проповеди. Вспомним слова апостола Павла: «Я приходил к вам, братия, ... возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, ... И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1 Кор 2,1.4). Впрочем, надо полагать, это «явление силы» происходило тоже не без участия слова. И сам же апостол указывает на реальность силы, заложенной в слове: «приняв от нас слышанное слово Божие, вы приняли не как слово человеческое, но как слово Божие, - каково оно есть по истине, - которое и действует в вас, верующих» (1 Фесс 2,13). Итак, слово Евангелия (не Евангелия как книги определенного литературного жанра, а Евангелия в прямом и буквальном значении) обладает творческим действием (*energeia*), энергией преобразования. Не будучи фиксировано ни на каком из языков, в России это слово, естественно, должно звучать на русском языке. Да, этот язык, укорененный в церковнославянском и через последний соединенный с великой речевой культурой эллинизма, - этот язык сейчас утратил свою фонетическую величавость и непревзойденную музыкальность литургических текстов, он утратил также множество нюансов в морфологии, он до неузнаваемости изменил семантику сотен слов. Но в то же время за последние два столетия он и невероятно обогатился. Так что приобретение вполне способно компенсировать утраты.

Можно сказать, что для Евангельской вести в современном русском языке открылся новый, в некоторой мере «чужой», но в значительной степени родной язык, каковым для нее некогда был, скажем, греческий язык Септуагинты. И задача Церкви теперь - не изобретать новый искусственный язык, но принять уже готовый, великолепно развитый язык, принять его и освятить. Освящение же - дело Духа Божия через посредство носителей этого Духа. Язык для христианства в нашем народе готов, им даже в значительной мере воцерковлённый. Церкви остаётся продолжить начатое. Ещё нет на этом прекрасном языке ни молитв, ни литургической поэзии, ни достойного перевода Писания. Но уже давно есть проповедь. За примерами ходить далеко не надо. Достаточно почитать проповеди митрополита Антония Сурожского, о. Георгия Флоровского и других духоносных просветителей недавнего прошлого. Что же касается существующего языка Церкви, то он может, как и прежде, быть источником просвещения, лексического вдохновения и стилистической красоты.

Фото Б. Левицкого

НАШЕ ЦЕРКОВНОЕ СОЗНАНИЕ ПЕРЕСТАЛО БЫТЬ ИСТОРИЧНЫМ

Выступление профессора протоиерея Георгия Митрофанова на круглом столе в СПбГУ 24 октября 2005 года

Мне как церковному историку довольно сложно за этим столом. Ощущение гностического языка, языка сакральных текстов меня не покидает. Филологи обладают, наверное, той замечательной способностью, что язык, на котором они говорят и о котором они говорят, может ограничиваться стенами филологических факультетов. Их, в общем-то, может не трогать то, как отзывается этот язык в сознании общества. К сожалению, духовенство не может позволить себе такую роскошь — такую интеллектуальную «игру в бисер». Ему всегда приходится задаваться вопросом: «А как отзывается слово церкви в сердцах всего общества?» И вот, нужно сказать, что вопрос о языке действительно предстал как очень актуальный, животрепещущий вопрос в период, когда церковь после двухвекового периода синодального почти что безмолвия на эту тему, я имею в виду на тему языка богослужебного как языка проповеди, получила возможность высказаться в 1905 году, когда по решению Священного Синода, все епархиальные архиереи стали подавать отзывы в Синод, в которых они высказывались по наиболее животрепещущим вопросам современной им церковной жизни.

И одним из таких вопросов, как ни парадоксально, отказался вопрос о языке. Мнения этих церковных иерархов для нас тем более интересны, что перед нами, во-первых, люди, получившие образование в духовных семинариях и духовных академиях, которое было, на мой взгляд, несравнимо лучше того образования, которое получают у нас как филологи, так и историки, потому что их образование было, безусловно, историко-филологическим и богословским одновременно. Во-вторых, эти люди по своему иерархическому статусу не могли позволить себе роскошь рассуждать о языке применительно к тем проблемам, о которых пока говорили за нашим круглым столом. Для них язык был, прежде всего, языком проповеди: они были архипастыри. И чтобы не говорить много, я бы привел вам выдержки из трех отзывов архиереев, которые занимали различные позиции по вопросу о богослужебном языке. Хочу сразу подчеркнуть, что большая часть наших церковных иерархов была убеждена, что качество современного им богослужебного языка неудовлетворительно. И они предлагали разные варианты: от мягкого редактирования богослужебных книг до перевода всего богослужения на русский язык в качестве мер, которые могут наконец позволить церкви быть услышанной в современном ей обществе. Хочу подчеркнуть, что перед нами люди, которые выросли в стихии церковнославянского языка. Это поповичи во многих поколениях и, вместе с тем, для них церковнославянский язык представлялся языком весьма даже сложным по возможности его реализации как языка проповеди.

Так архиепископ Ярославский Иаков (Пятницкий): «Возвышенное богослужение наше из-за пристрастия к умершему языку превращается в непонятное словозвержение. Сельские пастыри хорошо сознают этот недостаток богослужения, выражают жалобы, но бесильны помочь горю. Мудрено ли, что христианин иной предпочитает церковной возвышенной, но непонятной песне не умную, но понятную сектантскую песню. Если, по многим причинам, нельзя говорить о переводе богослужебных книг на русский язык, то необходимо обсудить вопрос об исправлении существующего церковнославянского перевода богослужебных книг с устранением из него всех архаизмов и греческого расположения слов в речениях, или же немедленно приступить к новому переводу его на новославянский язык, всем понятный и вразумительный».

Как видим, перед нами архиерей, который не являлся сторонником перевода на современный русский язык, но который ощущал необходимость очень серьезной работы с богослужебными текстами, вплоть даже до такого, кажущегося, на мой взгляд, несколько парадоксальным, предложением перевода этих текстов на новославянский язык. Т.е. на язык, который тоже должен был быть искусственно созданным в процессе этого перевода.

Епископ Минский Михаил (Темнорусов): «Желательно, чтобы богослужение в храме совершалось на понятном для богомольца языке. Наши богослужебные книги, отчасти Библия, переведены на такой язык, на котором ни один славянин не говорил и не писал. Это язык книжников, часто мало сведущих как в славянском, так и в греческом языке. А между тем православному русскому народу приходится слушать богослужение на этом языке, испытывая крайние трудности в понимании Священного Писания и богослужебных молитв и песнопений. Непонимание богослужебного языка самими чтецами-певцами, делает их небрежными, читающими и поющими поспешно, не отчетливо и невразумительно. Богомольцы же скучают при богослужении, становятся невнимательными, равнодушными к богослужению, к его глубокому содержанию и высокой поэзии. Посему, настоят существовать нужда сделать новый перевод священных и богослужебных книг».

Здесь обозначена очень актуальная проблема для нашего современного духовенства. Ибо значительная часть нашего духовенства, кем бы они ни были — фундаменталистами, воспринимающими церковнославянский язык как язык, чуть ли не с апостольских времен существующий, а есть и такие оригиналы, или же модернистами, все они одинаково плохо знают церковнославянский язык, плохо его понимают. И поэтому, когда псаломщик, диакон ли или священник совершает богослужение на ему самому мало понятном языке — это богослужение тем более становится мало понятным для тех, кто в церкви пребывает в качестве мирян. Однако, эта проблема имела место уже тогда, когда штатные псаломщики, должен вам сказать, занимавшие в каждом храме очень важное положение, они даже входили в категорию священнослужителей, заканчивали если не полный курс духовной семинарии, то, как правило, духовное училище и несколько классов духовной семинарии. (Т.е. их формальное знание церковнославянского языка было неизмеримо выше, чем у многих современных священнослужителей.) Я часто рекомендую в духовной школе нашим студентам посмотреть перечень требований экзамена на исполнение обязанностей штатного псаломщика. Эти экзамены не мог бы выдержать ни один выпускник семинарии, кончивший ее даже с отличием. Это касается, прежде всего, знания церковного устава и знания церковнославянского языка.

Наконец, один из самых радикальных по вопросу славянского языка, отзывов — отзыв епископа Архангельского Ианникия (Казанского). Он, повторяю, принадлежал к меньшинству епископов. Тому меньшинству, которое выступало за перевод всего богослужения на русский язык. «Наше богослужение имеет религиозно-нравственное и воспитательное значение. Оно будет вполне достигать своей цели, когда будет совершаться на языке понятном для всех — на родном русском языке. Священное писание говорит: «Пойте Богу разумно». Апостолы проповедовали на всех языках и на всех языках молились верующие. У нас в России есть литургии на языке латышском, зырянском, мордовском, но нет богослужения на своем родном наречии. Сектанты некоторых совращают потому, что их простое, понятное богослужение совершается по-русски. Богослужение совершается на малопонятном и для многих и совершенно непонятном славянском языке. Будучи великолепным по своему содержанию оно остается не понятным. А из-за этого и без желательного влияния на простой народ. Поэтому полезно было бы славянский язык церковного богослужения заменить русским. Такая замена даст для очень многих великое счастье участвовать в богослужении не одним только стоянием в храме, но участвовать разумно. Можно русский язык богослужения ввести постепенно. Пусть сначала богослужение на русском языке совершается изредка. Начинать употребление в богослужении русского языка нужно с городов. И вообще с тех мест, где народ более развит и более сочувствует этому. Это имеет удобство в том отношении, что в городах всегда имеется несколько храмов. И не желающие присутствовать при богослужении на русском языке будут иметь возможность присутствовать на богослужении на славянском языке. Не нужно и священников принуждать к совершению богослужения на том или ином языке. Нужно предоставить это на усмотрение местных епископов, приходских пастырей. Пусть от прихода зависит заменить славянский язык русским или же до поры до времени оставить славянское богослужение. Постепенность в этом деле нужна для самих священников и вообще людей интеллигентных».

Вот здесь, на первый взгляд, возникает определенный парадокс. Епископ констатирует то, что именно образованная интеллигентная часть прихожан скорее ответит на богослужение на русском языке. Казалось бы — почему? Ибо именно интеллигентная часть прихожан имела возможность получить такое образование, при котором церковнославянский язык преподавался им в начальной и средней школе. И, тем не менее, это так. В дискуссиях, которые потом проходили на Предсоборном присутствии, на Поместном соборе, как раз очень четко было сформулировано объяснение на этот вопрос. Для людей образованных и мыслящих чем богослужение становится понятней, тем оно становится подлинней, убедительней. А вот для людей необразованных, невежественных непонятность богослужения и является как раз свидетельством подлинности его. Непонятное слово убеждает гораздо больше, чем слово понятное. От Бога должно исходить, конечно же, непонятное слово. Если слово понятно, оно слишком человеческое. Вот эта разница в подходе образованных и необразованных мирян побуждала епископов также размышлять на тему, что именно городские приходы должны были бы стать местом, в котором можно начать подобного рода эксперименты.

Но я бы сейчас хотел отойти, собственно, от темы перевода богослужения на русский язык. Не это меня привлекает сейчас. Мне кажется важным отметить следующее. Должен вам сказать, что читая на лекциях выдержки из отзывов епархиальных архиереев, я, имея в виду определенную часть наших студентов, всегда подумываю, что данный епископ умер до революции, данный епископ был противником обновленцев. Так вот, мы обнаруживаем, что как раз противники обновленцев, в частности, митрополит Агафангел (Преображенский) выступали сторонниками новославянского языка. Т.е. здесь нет будущей политической ангажированности сторонников русского языка из числа обновленцев. Это были священнослужители как раз иного плана, достаточно консервативные.

Так вот, что поражает в дискуссиях той поры? Очень верное понимание того, что вопрос о языке — это не есть вопрос догматический, это не вопрос канонический. Представить, чтобы один епископ заподозрил другого в том, что он, будучи сторонником русского языка, еретик, тайный протестант, не приходится. Они были достаточно образованны для того, чтобы выстраивать очень верно иерархию ценностей. Обратите внимание, что произошло у нас сейчас. Вопрос о русском языке почему-то приобрел характер тестового опроса на чистоту православия. И это очень характерно. И говорит это на самом деле об изменениях, которые произошли в нашем церковном сознании отнюдь не на языковом уровне. Вопрос о языке выявляет очень важную проблему об отношении к возможности русского языка богослужения. Проблему, связанную уже не только с языком.

Вот совсем недавно на другой конференции, посвященной вопросам богословского образования, одной из тем дискуссии, возникшей после моего доклада, стала тема того, а каково же наше церковное сознание. Я, конечно, как церковный историк, и, смею думать, стоящий на верной точке зрения, что христианство исторично, все-таки, верю, что Иисус Христос, хотя и был Богочеловеком, но был исторически реальной Личностью. И коль скоро христианство исторично, оно должно предполагать прежде всего в своем развитии знание своей исторической традиции, делание выводов из этой исторической традиции, опору на эту историческую традицию. Хотя, конечно, и сохранение этой исторической традиции. К сожалению, мы должны констатировать то обстоятельство, что наша современная церковная жизнь дает нам колоссальные примеры незнания истории церкви. Более того, наше церковное сознание перестало быть историчным и стало мифологичным. Миф, часто не подкрепленный никаким серьезным знанием ни истории, ни богословия, по сути дела представляющий очень часто частное богословское мнение того или иного священнослужителя, а иногда и мирянина, издающего, например, какое-нибудь периодическое издание, воспринимается многими как святоотеческий догмат, а на самом деле перед нами миф. И вот одним из ярких примеров, у всех перед глазами находящимся, является история с периодически возникающими у нас химерами псевдосвятых, которые в общем и целом возникают именно в связи с тем, что незнание истории и богословия побуждает очень доверчивых по отношению к любым средствам массовой информации постсоветских обывателей, пришедших в церковь, воспринимать на веру любую статью о каком-нибудь новооткрытом святом, который при жизни воспринимался даже как очень большой грешник, например, как Григорий Ефимович Распутин. Т.е. это проблема очень серьезная, очень радикальная. Проблема того, что наше сознание стало мифологичным. Что для убедительности христианину сейчас даже не нужно ставить вопрос, было это событие или не было. Уж очень оно убедительно в духовном плане. Поэтому будем считать, что оно было Богом попущено как реальное. Вот эта проблема является очень серьезной. И здесь тема языка как раз выявляет нам эту проблему: мы пребываем в такой ситуации в нашей церковной жизни, когда у нас знание церковной традиции отсутствует, и это побуждает многих из нас, наших современников, подменять вот эту церковную традицию многочисленными традициями. И здесь, конечно, проблема языка, будучи вот таким тестом на чистоту православия, а это так, выявляет проблему более глубокого порядка.

В заключение я бы хотел отметить следующее. Пока большая часть выступлений, за исключением выступления Петра Евгеньевича Бухаркина, побуждает вернуться нас к той озабоченности русских архиереев начала века, которая звучала в их отзывах, и мне это представляется очень верным, потому что в конечном итоге церковь, прежде всего, должна осуществлять свою миссионерскую проповедь, а уже потом проводить время в решении тех вопросов, которые исторически всегда были достоянием всего лишь ученых круглых столов, а не церковной проповеди.

В БРЮССЕЛЕ С 29 ПО 31 ОКТЯБРЯ ПРОШЁЛ 12-Й КОНГРЕСС ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО БРАТСТВА

Основная задача, которая стоит перед такими конгрессами, состоит в том, чтобы собрать православных различных юрисдикций для совместного богослужения, общения и обсуждения общих вопросов жизни церкви в Западной Европе. Такие конгрессы собираются каждые три года. В этот раз в его работе приняли участие около 600 представителей разных приходов Франции, Германии, Бельгии, Швейцарии, Великобритании и других западно-европейских стран, в т.ч. большое количество детей и молодежи. Все участники съезда проявили большую активность в его работе и заинтересованность его проблематикой и результатами.

В этом году темой конгресса стала строка из Писа-

ния «Се творю всё новое» (Откр.: 21.5). Каждый день работу конгресса открывал доклад на одну из заявленных тем. После обеда начинали работу секции, на которых обсуждались практические стороны жизни православных в Западной Европе.

Конгресс начался с доклада профессора философии Свято-Сергиевского института в Париже Бертрана Вержиле «О новом человеке». На второй день сообщение делал заслуженный профессор Оксфордского университета епископ Диоклийский Каллист (Уэр) «Человек: обезличивание или обновление?», а в последний, третий день, было выступление профессора догматического богословия Свято-Сергиевского института Ми-

шеля Ставру «Перед какими вызовами стоит церковь в третьем тысячелетии». Итоги подвел прот. Иоанн Гейт и архиепископ Гавриил (де Вильдер).

В качестве гостей Конгресса на форуме присутствовали ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института, духовный попечитель Преображенского содружества малых православных братств проф.-свщ. Георгий Кочетков, который выступил на круглом столе, посвященном литургическому обновлению, и в секциях, обсуждавших проблемы христианского единства и катехизации взрослых в современных условиях, и председатель братства «Сретение», проректор СФИ Д.С. Гасак.

ЧТО ТАКОЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО?

Анна Алиева: Отец Сергей, мой первый вопрос касается самого Западноевропейского братства. Когда оно возникло, как часто оно собирается?

О. Сергей Соллогуб: Это братство было создано достаточно давно, и его цель — собрать всех православных, которые живут во Франции и принадлежат к разным юрисдикциям. Во Францию они приехали из разных стран, главным образом, из России после революции, потом из Греции после Второй мировой войны. И после Второй мировой войны люди приезжали из всех стран Восточной Европы, а также немного из Ливана и Сирии во время войны 1960-х г.г. Все они жили отдельно друг от друга и редко встречались. И вот появилась идея начать их собирать, чтобы вместе работать, вместе свидетельствовать о православии на Западе. Тогда и начались эти большие съезды в Западной Европе.

Первый съезд прошел в 1971 году в городе Анси недалеко от Лиона во Франции. И с тех пор каждые три года такие съезды собираются во Франции и в Бельгии. В других западноевропейских странах несколько сложнее их организовать.

Прошедший в нынешнем году съезд был уже 12-м по счету. Шесть последних таких встреч собирают более, чем по 600 участников. Съезды — это самое важное и значительное, что делает братство. Еще братство помогает всем православным во Франции. Мы стараемся помогать во всем, что затруднено из-за нашего разделения на разные юрисдикции, собираем для этого людей.

Примером одного из таких дел стало создание Ассоциации «Православный катехизис», которая издала первую свою книгу уже более 25 лет назад. Книга называется «Жив Бог» и является православным катехизисом для семьи. И после этого, когда стало ясно, какой книга имела успех, мы начали готовить и другие издания. Это были книги о разных церковных праздниках, книга о литургии, ещё одна о Символе веры, о Троице и др. Книжки и сейчас продолжают выходить.

Второе дело — это издание литургических текстов на французском языке. У нас есть группа, которая переводит богослужебные тексты с греческого и славянского и потом издаёт эти тексты. Уже издана литургия Василия Великого; этого текста вообще не было на французском (текст литургии Иоанна Златоуста уже был). Потом перевели литургию Преждеосвященных даров. Было подготовлено два издания Часослова. А сейчас готовится новый перевод литургии Иоанна Златоуста, он должен выйти через два-три месяца. Также издаётся православный календарь на французском для каждой епархии. У нас не у всех епархий одинаковые календари. И мы стараемся, чтобы по-французски был один календарь для разных епархий.

Еще мы устроили библиотеку-фонотеку всех докладов, где можно потом эти доклады заказывать и слушать. Это касается докладов, сделанных на самых разных собраниях. Например, в Париже каждый год в 1-ое воскресенье Великого поста православные собираются вместе, даже если они из разных юрисдикций. И вот в день Торжества Православия они собираются и внятно проповедуют Православие. В этот день мы все вместе служим литургию, а потом встречаемся после литургии, и там звучат доклады. Их тоже можно в нашей фонотеке найти.

Есть в братстве и более специализированные группы. Одна из них издает, например, SOP — информационный всеправославный бюллетень. Другая — журнал «Контакт». Это богословский журнал, который выходит 4 раза в год. Это единственный французский журнал высокого уровня, который издают православные во Франции.

А. Алиева: Расскажите, пожалуйста, о том, какие задачи ставит перед собой только что прошедший съезд?

О. Сергей Соллогуб: Этот съезд был особый потому, что многих людей из старшего поколения наших богословов и деятелей нашего братства (Оливье Клеман, о. Борис Бобринский, Элизабет Бер-Сижель, диак. Николай Лосский) на нем не было, они не присутствовали из-за возраста, из-за болезни, по другим причинам. Они не смогли присутствовать, и это было для нас трудно, мы не знали, как все пройдет. Слава Богу, всё было

Интервью с о. Сергием Соллогубом

О. Сергей СОЛЛОГУБ
помощник архиепископа Команского Гавриила,
главы архиепископии православных русских
приходов в Западной Европе

хорошо. Мы уже знаем, что братство имеет будущее, даже если с нами не будет наших дорогих старших, основателей братства. Мы уже можем продолжить это дело, будут проходить эти съезды, и будет высокий уровень выступлений.

В этот раз были определенные трудности, мы не знали, как это сделать, это был кризис нашего братства. Я уже сказал, что старшее поколение отходит от дел, и мы волновались, сможем ли мы собрать всех, так как съезд с годами собирает всё больше и больше людей. И очень трудно таким добровольцам, как мы, устраивать такое большое мероприятие. Для этого нужен профессиональный уровень. Еще нужно найти подходящее помещение и не очень дорого, чтобы люди могли себе это позволить. Но, Слава Богу, всё успешно прошло, хотя были практические проблемы, было трудновато.

Церковная жизнь в нашей современной Западной Европе сейчас непроста. Трудности между Вселенским и Московским патриархатами влияют на нашу жизнь тут на Западе. И поэтому тоже были некоторые волнения, что мы уже не сможем собраться, что трения и конкуренция между двумя Патриархатами за западную паству не позволит нам всем быть вместе, несмотря на то, что мы раньше всегда это делали. Большая духовная сила этих съездов как раз в том, что они собирали людей из разных юрисдикций, которые очень редко встречаются, живут в разных частях Франции и Европы. Люди могут встретиться, видеть их веру и понять, что проблемы, которые есть в нашем маленьком приходе, это те же проблемы, что и в других приходах, что это не только наши собственные проблемы и трудности. И что мы все проходим через такие трудности, и самое важное, что мы все можем собираться и свидетельствовать о нашей вере.

И в этот раз тоже собралось много людей. Может, несколько меньше, чем раньше, из Московского и Румынского патриархатов. Я бы сказал, что это отражение современного положения во Франции и в Европе, отражение тех трудностей, которые есть сейчас в сотрудничестве наших церквей. Возможно, это произошло и вследствие объективных причин, так как в этом году съезд был в Бельгии, и не все смогли приехать. Здесь не обязательно видеть конфликт. Нужно быть осторожными и не искать ненужных причин, если их нет. Например, из Англии было мало участников, но это не потому, что англичане не хотели. Обычно в Суросожской епархии собиранием и организацией участников занимается диакон кафедрального собора. В этом году он был занят ремонтом собора и не успел найти кого-нибудь, кто бы его заменил. Результатом было то, что англичан было несколько меньше, чем мы ожидали, ведь Бельгия несколько ближе к Англии, чем юг Франции. Это тоже показывает трудности нашего братства, мы всегда должны находить людей, которые согласны работать на этой ниве. Видите, непросто работать, чтобы устроить этот съезд.

А. Алиева: Отец Сергей, скажите, пожалуйста, были ли достигнуты те цели, которые перед собой ставила эта встреча с содержательной точки зрения?

О. Сергей Соллогуб: Это довольно трудно оценить, потому что цель этих съездов, первая цель, — собрать православных Западной Европы, чтобы они вместе жили, молились, участвовали в докладах, обменивались мнениями по разным темам. И это, я должен сказать, всегда исполняется. Собралось 600 человек. Была в воскресенье литургия, такая торжественная и молитвенная. Все архиереи, которые здесь собрались, служили вместе, на 3-4 разных языках пели хоры, потом были доклады, и все могли участвовать в дискуссии. Потом были дискуссии по небольшим группам на более узкие

темы, затрагивающие повседневную жизнь православных. Например, как служить литургию в приходе, как вести катехизацию, о некоторых нравственных проблемах.

Конечно, у нашего съезда есть общая тема. В этом году была тема «Се творю всё новое». И из этой темы мы тоже взяли несколько тем для докладов. Первым докладчиком был профессор философии из Свято-Сергиевского института в Париже Бертран Вержиле, его выступление называлось «О новом человеке». На второй день был доклад владыки Каллиста (Уэра) из Англии «Человек: обезличивание или обновление?». А потом был доклад профессора догматического богословия Свято-Сергиевского института Мишеля Ставру, который прочитал доклад «Перед какими вопросами стоит церковь в начале третьего тысячелетия?»

Разумеется, не все вопросы, поставленные на нашем съезде, были решены. Но, может быть, это станет потом материалом для приходов, для их встреч, поможет подумать, поговорить на эти темы и лучше почувствовать эти проблемы. Например, на прошлом съезде был такой доклад, который потом читали и обсуждали. А приход в Голландии целый год эту тему обсуждал, люди встречались, говорили.

Мы не ожидаем каких-то конкретных выводов сразу после этого съезда, но просто необходимо, чтобы люди встречались, вместе обсуждали такие проблемы и более серьезно и решительно смотрели на них. Чтобы мы о них знали и думали, как эти вопросы решать, как в наших приходских кругах жить более сознательно.

А. Алиева: Скажите, ведётся ли между съездами работа по обсуждению тех тем, которые были названы? Это обсуждение — целиком инициатива приходов или братство как-то организует их работу?

О. Сергей Соллогуб: Нет, братство не организует такие обсуждения. Такое бывало раньше раз или два, между съездами проводились съезды поменьше. Наше братство — это союз братств, которые располагаются вокруг Парижа, на Западе и Юго-Западе Франции, в Бельгии и даже в Голландии. На их локальных собраниях иногда рассматриваются темы, которые звучали на съезде. В этих маленьких братствах более регулярная жизнь. Они обсуждают разные темы.

А. Алиева: Скажите, в эти братства тоже входят люди из разных юрисдикций?

О. Сергей Соллогуб: Да. Братства собирают разные приходы. Например, в Бельгии каждая юрисдикция имеет разные приходы, и братство собирает все приходы, находящиеся на этой территории. Это цель Западноевропейского православного братства и братств на более низких уровнях — собирать православных, несмотря на их юрисдикцию, национальность, несмотря даже на их язык, который они используют в богослужении. У них один язык разговора. Это часто разные традиции, но они встречаются.

А. Алиева: Как возникло братство, какие конкретно люди и движения стояли у его истоков?

О. Сергей Соллогуб: Это давняя идея людей, которые хотели собрать всех православных, даже если они из разных юрисдикций. Отцом-основателем можно считать священника Льва Жилле, французского иеромонаха, который перешёл в православие, он имел это желание всех собрать. Но это было еще до Второй мировой войны. И потом были разные попытки собрать православных. А началось всё благодаря молодым людям, которые не понимали всех этих разделений, существующих между православными. Отмечу еще влияние больших богословов, таких как Оливье Клеман, о. Борис Бобринский, Павел Евдокимов. Был еще о. Кирилл Аргенти, греческий священник, служивший в Марселе. Он был истинно-духовный человек, который своей жизнью и служением всех объединял. Ещё важна была работа Ивана Александровича Чекана. Он тоже собирал этих молодых людей в Комитет координации православной молодежи. Это была маленькая организация, и она начала устраивать съезды. С этих съездов начало существовать братство. И теперь они стали знаком нашего братства.

ПРАВОСЛАВИЕ ПРИЗВАНО БЫТЬ ОТКРЫТЫМ

Интервью с ректором СФИ проф.-свящ. Георгием Кочетковым

Ки́фа: Похожи ли конгрессы Западно-европейского братства на соборы Преображенского братства?

Свящ. Георгий Кочетков: В чем-то похожи, в чем-то не похожи. С одной стороны, похожи, потому что это большое собрание народа, который хочет найти какое-то общение, общую жизнь, общее служение, который просто чего-то хочет в церкви. Это уже само по себе в наше время немало. Люди тратят на это деньги, тратят на это время. В Европе это все считается более тщательно, чем в России, и ценится больше. Поэтому то, что люди приезжают в большом числе — важно. Это говорит о том, что в этих церквях есть жизнь. Да — они малочисленны, да — они разрозненны, да — они многокультурны, многоязычны и т.д., но тем не менее жизнь есть. Так что эти события похожи в смысле возможности общения, поднятия каких-то общих горячих тем для размышления, пусть для самого предварительного, но обсуждения.

Но с другой стороны, есть большая разница, потому что за этим стоят разные осуществления братского принципа. Конечно, хотелось бы, чтобы Западно-европейское братство обрело свои более четкие границы, чтобы вообще эти границы чувствовались, потому что на сегодняшний день они практически размыты, при этом не хватает и хребта. У многих членов этого братства и тем более тех, кто вокруг него, нет понимания, какова же харизма этого братства, каково же служение этого братства, какие главные цели люди ставят, когда собираются по-братски. Не всегда есть понимание разницы между тусовкой и общением. И все же это безусловно положительное явление. Если бы его не было, было бы значительно хуже. Это возможность общения с архиереями, это возможность общения между разными юрисдикциями, что на Западе очень актуально.

Ки́фа: Чему у них можно поучиться и чего у них не хватает, что бы мы могли им предложить?

О. Георгий: Что мы можем предложить? Свой образ жизни. Не для того, чтобы они все перенимали и всему подражали, но для того, чтобы поделиться этим как возможностью, как радостью, как поводом для размышления. Иногда и это бывает ценно. А мы ищем подобных вещей у них.

Ки́фа: Насколько я знаю, представителям *fraternite* оказался интересен наш опыт катехизации взрослых. Но как это видно из самых разных выступлений и разговоров, они видят в этом необходимость лишь в связи с третьей волной эмиграции. Как Вы считаете: движение по восстановлению катехумената взрослых — это всеобщее явление в церкви, это необходимо везде, или это ситуация, связанная чаще всего с разрывом предания, как это происходило в странах социалистического лагеря?

О. Георгий: И то, и другое. Конечно, катехизация обязательно должна быть там, где прервано предание, где есть расколы церкви (а они есть и на Западе, и там тоже, безусловно, имеется большое влияние катаклизмов XX века). Она крайне необходима и на Востоке, и на Западе. Я об этом говорил в Париже в начале 90-х годов. Девять лет назад я пытался об этом говорить на подобном съезде, но, к сожалению, тогда у многих уши еще были закрыты. Тогда я не нашел взаимопонимания. Тогда люди еще думали, что все обойдется, мол, у нас другие условия, не нужно нам вашего опыта, да и вообще — что может быть хорошего из постсоветской, чуть ли не советской, России. И это, конечно, было очень большой ошибкой. Но я в любом случае рад, что сейчас таких вопросов уже не ставится. Сейчас люди начали понимать, что без катехизации возродить церковную жизнь нельзя, нельзя пробить ту корку, которая образуется с юности в сердцах людей в секулярном

обществе. Вот что главное, вот что недооценивается иногда и здесь, и там. Катехуменат в этом смысле — вещь универсальная. Другое дело, что вести катехизацию можно немного по-разному, и парижане правильно говорят, что мы немного по-разному ее ведем. Да и у нас не только в разных городах и разных странах, но даже в одном городе разные катехизаторы делают немного разные акценты, т.е. свободно относятся к основной парадигме катехизационного процесса.

Ки́фа: Какими Вы видите перспективы православия в Западной Европе и, в частности, перспективы Западно-европейского братства?

О. Георгий: Будущее всегда есть, когда мы хотим его иметь. В т.ч. и братство, если захочет иметь будущее, подумает, как возродить и обновить не только Свято-Сергиевский институт, но и приходскую жизнь, и РСХД, и само братство. Без этого невозможно. Нужно искать новые формы, нельзя все время только оглядываться назад, пусть даже предыдущая эпоха была полноводной и значительной. Сейчас идут бурные процессы. Не будем их торопить, не будем их предвещать. Посмотрим, как все это пойдет, но я думаю, что будущее у православия на Западе есть. Но православие должно быть открытым, оно должно способствовать не только созданию поместных православных церквей, но и единству всего христианства.

Ки́фа: Может быть, это миссия прежде всего западно-европейского православия — такое межправославное общение?

О. Георгий: Безусловно. И межправославное, и межконфессиональное. Это как бы немного полигон, искуса перед лицом инославных, и это очень ценно. Только нужно, чтобы кто-то этот опыт собирал, хранил, подводил итоги, отсеивал неудачное, избегая при этом желания лишь учить других.

Беседовали А.БУРОВ и А.КОЛЫМАГИНА

ОБРЕСТИ ЕДИНСТВО ПРАВОСЛАВНЫХ В НЕПРАВОСЛАВНЫХ СТРАНАХ

Интервью с председателем Сретенского братства Д.С. Гасаком

Анна Алиева: Какова была тематика конгресса, какие проблемы были в центре внимания его участников?

Дмитрий Гасак: В основу темы конгресса были положены слова из Откровения св. Иоанна Богослова: «Се творю всё новое» (Откр 21:5). Тема звучит достаточно широко, хотя и понятно направление, в связи с которым тема была выбрана. Во-первых, это проблема единства православных, находящихся в традиционно неправославных западноевропейских странах. Это не только проблема разной юрисдикционной принадлежности приходов. Это еще и проблема единства православных разного национального происхождения. Не всегда легко поставить в основу духовного единства Христа и Его Церковь поверх национальных различий. Часто православие воспринимается прежде всего как национальная черта, поэтому русские создают свои приходы, румыны — свои, фламандцы — свои и т.д. И вот обрести подлинное церковное единство в таком контексте — настоящая проблема. (К слову говоря, еще одним важным принципом Западно-европейского братства было совершение богослужения на национальных языках). При всем этом понятно, что церковное единство не может быть обретоено лишь организационными, административными усилиями. Оно требует вдохновенной веры, обновления духа, напряженной духовной жизни от тех, кто такого единства жаждет. И это второе, с чем была связана нынешняя тема. Мне кажется, что собравшиеся люди, особенно более ответственные в церкви и епископы, и священники, и миряне, понимают необходимость такого обновления.

Наиболее ясно, по-моему, об этом сказал в своём докладе Мишель Ставру, профессор догматики Свято-Сергиевского института в Париже. Доклад его был посвящён вызовам, которые готовит нынешний век православию. Он отметил три вещи. Первое — это вызов единству православных. На сегодняшний день очевидно, что движение за поместную церковь, возникшее в середине XX века, претерпевает некоторый кризис. С одной стороны, проблема очень актуальна, потому что православные очень разрознены, как бы духовно ослаблены. Но с другой — пока не видно духовного центра, который мог бы стать тем кристаллом, вокруг которого соберется все. Тем не менее, для того, чтобы православие в этих странах не просто выжило, как религия для меньшинства или как религия для переселенцев или эмигрантов, а всё-таки развивалась гармонично, полноценно, как должно развиваться подлинное христианство, нужно решать проблему единства. И, прежде всего, повторю, в духовном ключе, а уж потом в административно-каноническом.

Второе — проблема литургической жизни, в которую входит всё: и язык богослужения, и форма его совершения и т.д. Литургическую традицию, основателями которой были русские эмигранты первой волны: о. Сергей Булгаков, о. Николай Афанасьев, а затем и о. Александр Шмеман, необходимо не просто стараться сохранить как памятник, но продолжать развивать. Только тогда эта традиция будет жить и приносить плод. Закон веры не может быть оторван от закона молитвы, поскольку и то, и другое составляет единую жизнь.

И третье — это вызов православию богословию, проблема развития богословской мысли, богословского творчества. Деятели русского религиозно-философского возрождения XX в. дали достойный ответ вызовам своего времени. Несмотря на суровые внешние условия жизни, это был расцвет духовной жизни и соответствующий ей расцвет богословского творчества, обогативший не только Православную церковь. Теперь вопросы нашего времени обращены к нам, живущим ныне православным христианам. И ответ призваны дать мы изнутри своей веры и жизни, изнутри своей ответственности за церковь, в традиции свободного богословского творчества наших великих предшественников.

Кроме больших докладов, коих за три дня прозвучало четыре, была еще работа так называемых ателье и круглых столов. Проблематика самая разная: от иконописания и монашества до катехизации и современных нравственных проблем. Насколько можно судить по тем секциям, в которых принимали участие о. Георгий и я, обсуждение было весьма живым. Самые разные люди открыто высказывали свою позицию, делились опытом. Обсуждение вызывало и споры, например, по вопросу отношения православных к экуменизму, к проблемам оглашения и воцерковления взрослых людей. Жаль только, что не всегда хватало времени: часто, как только обсуждение доходило до самой сути, время подходило к концу.

А. Алиева: Связано ли создание братства с РСХД или это была частная инициатива разных людей?

Д. Гасак: Формально, думаю, нет. Но связано постольку, поскольку многие люди участвовали и там, и там. Ко времени создания Западно-европейского братства деятельность РСХД сконцентрировалась в основном вокруг детских лагерей. Кроме того, время создания братства — это еще и определённый исторический контекст, когда многие думали о единстве в православном мире.

А. Алиева: Как бы Вы сформулировали итог конгресса?

Д. Гасак: Сложно подводить итог собранию по теме: «Се творю всё новое». На мой взгляд, главный итог таких встреч — это укрепление в единстве веры и жизни, общее вдохновение. Могу сказать, что съезд завершился в очень хорошем настроении. Какой из этого будет реальный практический плод — покажет время. Но очевидно, что общение многих людей на протяжении трех дней вдохновляет и укрепляет, даёт силы созидать церковь в очень духовно непросто западноевропейском контексте.

Многие, с кем мы общались лично, воспринимают этот съезд как время сеяния. И есть надежда, что участники съезда будут продолжать его дело в своих приходах.

К сожалению, такие конгрессы проходят слишком редко — раз в три года. При нынешних условиях общественного развития и реальном состоянии православных собираться раз в три года — слишком мало. Через три года многие уже забудут, что было на нынешнем съезде. В таких условиях сохранять преемственность и осуществлять развитие очень трудно, думаю, что почти невозможно. Повторю, что съезд удался, проходил по нарастающей. Лично для нас, для о. Георгия и для меня, участие в нем, возможность поистине братского общения с друзьями и знакомыми было большой радостью. И еще поэтому очень хотелось бы, чтобы это зерно не погибло, но принесло достойный, полновесный плод.

Сложность в том, что братство не имеет регулярной собственной жизни и работы между съездами. А ведь единство нужно постоянно поддерживать, укреплять и к этому должна быть приложена какая-то воля, усилие. Похоже, на сегодняшний день этого еще недостаточно. Правда, судя по настроению архиепископа Команского Гавриила, возглавляющего Русский западно-европейский экзархат, его помощников и многих других, здесь может что-то измениться, поскольку есть желание и реальные шаги к духовному возрождению. В заключительном слове о. Иоанн Гейт сказал, что все вышеозначенные проблемы можно разрешить только в Вере, в Вере Воскресения.

БЕЛАЯ ПТИЦА

Эсхатологические предпосылки экклесиологического учения прмц. Марии (Скобцовой)

Доклад А.И. Шмаиной-Великановой на конференции «Эсхатологическое учение церкви»

Богословская мысль Матери Марии¹, «святой для нашего времени», как назвал ее приснопамятный вл. Антоний Сурожский, целиком была эсхатологична. Изначально она провидела вершину и завершение своего личного духовного пути, добровольную жертву — «конец мой, конец огнепальный» и также очень рано осознала стремительное приближение сначала русской, а затем мировой катастрофы, кровавого апокалипсиса, в котором высветится явно для всех «огненный белый» лик христианства, обновленной, освобожденной от всех житейских пут Церкви. Эту Церковь она не только провидела, она ее опытно, изнутри знала, т.к. в ней уже жила сама и потому с уверенностью о ней говорила и вех в нее звала.

В этом нетрудно убедиться, просмотрев хотя бы заголовки или вспомнив темы подавляющего большинства статей ММ. Особенно нас, конечно, интересуют поздние работы, написанные после принятия ею в 1932 г. монашеского пострига. Начнем с названий: «Под знаком гибели», «Российское мессианское призвание», «Прозрение в войне», «Рождение в смерти», «Об антихристе», «Настоящее и будущее Церкви», «Под знаком нашего времени», «12-й час» — тут не нужно даже пересказывать содержание — эсхатология вынесена в заголовки. Центральная тема всех этих сочинений — гибель и преображение мира. Старая Европа, старая Россия, даже старая церковность (не вечная Церковь!) гибнут, христианство высвобождается и преображается, а человечество стоит перед выбором: замкнуться в старом и умереть или, «отдавая души свои за други своя, идти по стопам Христовым на нам предназначенную Голгофу»².

Сама по себе такая погруженность ММ в эсхатологический аспект богословских размышлений вполне естественна. Прежде всего ее предопределило то влияние, которое оказал на ММ Серебряный век. Об эсхатологичности как об определяющей черте русской религиозной мысли начала XX в. писала она сама, да и не только она. ММ не раз называла Достоевского, Соловьева и мыслителей начала века пророками, сказавшими все заранее, увидевшими неизбежность мировой катастрофы еще в самые идиллические времена. Однако ее время не было идиллическим. Первая мировая война, революция, гражданская война, эмиграция, не только и не столько собственная, но деятельное участие в жизни безработных, бедных, безумных русских людей дали, я думаю, особый толчок ее эсхатологическим размышлениям и видениям. Не каждому выпадает при жизни умереть, быть развезанным по ветру и призраком скитаться по пригородам и подворотням больших городов. Эмигрант этот опыт проходит и потом уже никакие войны и революции не могут его удивить. Во всех статьях и выступлениях 1920–30 гг. ММ на все лады повторяет: «Всякому, кто не слеп, очевидно его (нашего времени — А.Ш.-В.) гибельность, всякий, кто не глух, слышит раскаты приближающегося землетрясения»³. Затем, в годы Второй мировой войны и нацистской оккупации Франции, ощущение проживания в совершающемся апокалипсисе стало всеобщим и ММ подчеркивает особый, апокалиптический характер последней войны, сатанинское человекобожие нацизма, мертвенность Европы: «В большом благоустроенном старом европейском доме сейчас стоит гроб»⁴, шигалевский тоталитаризм сталинской России и проч., и называет эту эпоху — христианской, «время христианствует»⁵.

Почему она приходит к столь парадоксальному выводу? Что христианского ММ находит в только что так страшно и точно ею обрисованном времени рабства и войн? Она убеждена, что апокалипсис дает возможность родиться эсхатологической Церкви. Какой она ее видит? В первую очередь *свободной*. Старый мир и старый быт рухнул. ММ не радуется этому, она это только констатирует. Синодальный период жизни Церкви безвозвратно ушел в прошлое, Церковь может чувствовать себя не отягощенной грузом старых привычек, являющихся отражением рухнувших устоев, что не означает, разумеется, что Церковь должна отказаться от традиции, т.е. от себя самой. От старого свобода вся православная Церковь, но в применении к эмиграции это особенно очевидно. Эмиграция вынужденно безответственна, беспочвенна и существует в пустоте. Это трагическое положение напоминает о положении древней христианской Церкви, никому неведомой, ни с каким бытом и почвой не связанной, и предобразует новое эсхатологическое состояние Церкви, так же незримой в кровавой битве народов и классов. Однако, эмиграция — это слишком частный случай и хотя, говоря о ней, ММ пророчески о роли Церкви в послевоенном мире, одновременно она констатирует некое экзотическое явление — эмигрантская Церковь свободна. Вместе с

тем она отмечает и другой феномен, уже общий, присущий и России, и Германии, знакомый послевоенному времени: Церковь освобождает не только то, что она беспочвенна, никому не нужна, — она свободна, потому что *гонима*. Христианин стоит перед гибелью, напоминает ММ, и тогда все сгорает, «остается только Бог, человек, вечность и любовь».

Свобода, может быть, — самый важный признак Церкви, живущей в условиях наступившей эсхатологии. Однако, ММ указывает на еще одну важнейшую ее черту — *жертвенную открытость, экуменизм*. Она имеет в виду не экуменизм конференций и встреч между про-

фессорами и иерархами различных конфессий, ММ подразумевает готовность эсхатологической Церкви — Нового Израиля — следовать по пути Ветхого Израиля — истребляемого еврейского народа. Она указывает на знаки нового времени: православные, католики и протестанты, христиане и евреи сидят в одних лагерях, борьба нацизма с Израилем той же природы, что и борьба с христианством. И она видит в этом не мелочь, не политический зигзаг, а подлинную мистику Церкви, возможность исполнения пророчества ап. Павла, исполнения времен. ММ пишет: «Освобожденная от союза с государством и гонимая Церковь видит рядом с собою некогда побежденную сестру, Церковь ветхозаветную, также гонимую, но продолжающую быть живой личностью. Они рядом перед теми же мучителями. Между ними волею внешнего мира создается новый и таинственный союз. Он, может быть, есть самое ценное и значительное из всего, что сейчас происходит в мире. Сын Давидов, непризнанный своим народом Мессия, распинается сейчас вместе с теми, кто некогда Его не признал. Крест Голгофы лег на плечи всего Израиля. И этот голгофский крест обязывает. <...> Этим определяется огромная ответственность, лежащая сейчас на христианстве, на каждом христианине в отдельности»⁶. Таинственный союз, о котором писала ММ, не стал явным, зов ММ не был услышан, может быть, единственный, кто был ему вполне созвучен, — Бонхёффер, сказавший, что если мы хотим быть христианами, мы все должны броситься под колеса нацистской машины. Не случайно, наверно, Бонхёффер дает Церкви будущего, которую провидел он и ММ, парадоксальное название — церковь для других. Он пишет: «Церковь только тогда является церковью, когда это церковь для других. Чтобы положить начало, она должна всю свою собственность раздать нуждающимся»⁷.

Церковь для других, церковь, выявляющая себя прежде всего не в обряде, но в человеческих отношениях, не может, по мнению ММ, родиться как душевный порыв, как проект человеческих эмоций. Она должна иметь твердое богословское основание, образец, следуя которому человечество собирается в Церковь. И она находит этот образец в Богоматери.

«Если отвлечься от того, что явлено нам в прославленном образе Богоматери, если воспринимать Ее только в Ее земном пути, т.е. там, где можно говорить о «подражании» Ей, то этого совершенно достаточно, чтобы христианская душа поняла какие-то особые возможности, откры-

вающиеся перед ней. Именно на этом богоматеринском пути надо искать оправдания и обоснования наших чаяний, найти религиозный и мистический смысл подлинного человекообщения, который вне его как-то ускользает от нас»⁸, — пишет ММ.

Человечество, идя путем любви, *усыновления*, т.е. собираясь в Церковь, следует за Богоматерью, пронзенной Крестом Сына.

«Во-первых, и главное, — мы видим Христово человечество, Церковь Христову, Тело Христово, которому Божья Мать тоже Мать. И это выражение не есть только некая благочестивая лирика, оно точно и соответствует самому пониманию церкви как Тела Христова. А если так, то и по отношению к церкви вечно живо то, что она испытывала по отношению к своему Сыну. Мать Богочеловечества — Церкви, Она и сейчас пронзается муками этого Тела Христова, муками каждого члена этого тела. Другими словами, все бесчисленные кресты, поднимаемые человечеством на свои плечи, чтобы следовать за Христом, обрабатываются такими же бесчисленными мечами, вечно пронзающими Ее материнское сердце. Она продолжает со-участвовать, со-чувствовать, со-страдать каждой человеческой душе, как в те дни на Голгофе».

«Пусть на человеческих плечах, в путях человеческого богоподобия, лежит крест. Человеческое сердце должно быть пройдено еще обоюдоострыми мечами, оружиями, рассекающими душу, чужих крестов. Крест ближнего должен быть для души мечом, должен пронзать ее. Она должна со-участвовать в судьбе ближнего, со-чувствовать, со-страдать. И не она выбирает эти мечи, — они выбраны теми, кто воспринимал их, как крест, поднимаемый на плечи. По подобию своего первообраза, Богоматери, человеческая душа влечется на Голгофу, по следам своего сына, и не может не влечься, и не может не истекать кровью. Мне думается, что тут лежат подлинные мистические основы человекообщения»⁹.

Человеческий аспект Церкви — мистическое человекообщение по образу Богоматери. Церковь причастна Богоматеринству: она рождает Слово в Духе.

«Как образ Божий в человеке раскрывается и осуществляется не только как образ Его Матери, так и в земной церкви раскрывается не только тайна Богочеловечества, но и Богоматеринства. Богоматерь, дающая свою человеческую плоть Сыну, является личным воплощением церкви, Тела, Плоти Христовой, а потому средоточием всего тварного мира. Она в Себе соединяет тварную и нетварную природу».

Осеняемая Духом Святым, Она становится Богоматерью, — *рожден Логос*.

И это богоматеринство — в Ней и с Нею — является достоянием всей церкви. В Ней и с Нею Мать Церковь причастна к богоматеринству»¹⁰.

Так, по учению ММ, строится Церковь.

Эсхатологическая Церковь, «бессильная как Бог», как говорил вл. Антоний, следует за Богоматерью и знает себя осененной водительством Св. Духа. В прозрении ММ происходит дополнение мистики Церкви мистикой Богоматери и Св. Духа.

Особая сосредоточенность ММ на пневматологических аспектах богословия, так же как общая эсхатологичность ее мысли, подготовлена, вероятно, влиянием прот. Сергия Булгакова и, шире, духовной атмосферой Серебряного века. Однако, связь Св. Духа и эсхатологии явствует из Св. Писания, обсуждается в межзаветной литературе, выходит на первый план в четвертом Евангелии и многих творениях первохристианской литературы. В контексте всей этой традиции Дух, который при сотворении мира как мать-птица высиживает тварь, осеняет пророков, в Пятидесятницу, нисходя огненными языками, исполняет апостолов и в Откровении, в прозреваемом конце вместе с Невестой говорит: гряди! И так, мы видим, что ММ, подчеркивая эсхатологичность учения о Духе, опирается на древнюю библейскую и церковную традицию.

Также несколько не произвольно и не случайно подчеркиваемое ею сближение Духа, Премудрости и Богоматери. Еще фон Рад утверждал, что иудейская эсхатология начинается с традиции Премудрости. Еврейские комментаторы также постоянно отождествляли Св. Дух (дух пророчества) и Премудрость. А подчеркивание в Св. Духе и Премудрости материнского (рождающего) и женственного начала осуществляется и в Св. Писании, и в раннехристианской литературе, и в еврейской мистике. Совершенно оригинальным, таким образом, в учении ММ о Св. Духе и Богоматери следует признать не какое-нибудь отвлеченное рассуждение, но интуицию, выразившуюся в образах обоюдоострого креста-меча Богоматери и Св. Духа — Распятой Птицы. На этих образах, а точнее, видениях, и хотелось бы остановиться.

В Духов день, 25 мая 1942 г., меньше чем за три года до мученической кончины, в оккупированном нацист-

тами Париже, ММ закончила (а может быть, за один день написала?) небольшую поэму «Духов день»¹¹. До последнего времени она почти не привлекала внимание исследователей, а совсем недавно была глубоко и проникновенно проанализирована Г. Беневичем в книге, посвященной духовной биографии и творчеству ММ¹². Не имея возможности в рамках этого сообщения сделать столь же подробный анализ поэмы, мы отсылаем всех к этой работе, а для того, чтобы попытаться понять эсхатологическое видение Распятой Птицы, сосредоточимся на третьей песне поэмы.

Третья песня открывается изображением человечества в состоянии апокалипсиса как материального (голод, убийства, предательства, война всех против всех), так и духовного. Духовная гибель выражается в том, что Христос, никем не замеченный, уходит из храмов и в целом из человеческого общества, из повседневности, «Первенец из мертвых ушел из жизни». Эту мысль ММ развивала и в прозе. Предостерегая настоящее и будущее христианства от замыкания в себе, от обмирщения, уставшичества и эстетической церковной самовлюбленности вместо жизни во Христе, она писала: «Под бдительной охраной любителей красоты, под охраной мирской обманутости и ненависти, она (пропасть между Церковью и миром — А.Ш.-В.) может остаться навеки. Но, может быть, глаза, имеющие зрение любви, увидят, как из алтаря, огражденного благолепным иконостасом, тихо и незаметно выйдет Христос. Пень продолжает звучать <...>, а Христос выходит на паперть и смешивается с толпой нищих, прокаженных и отчаявшихся, озлобленных, юродивых <...> Христос заново и заново полагает душу свою за други Своя. Перед Ним, вечной Истиной и Красотой, что наша красота и наше уродство?»¹³. Однако здесь, в поэме, на это небывалое падение и неслыханное страдание отзывается на земле Богородица (о том, как это происходит, мы читали выше: Крест Сына оборачивается мечом для Матери) и на небесах Св. Дух: «Мать Иисуса и Давида дщерь» поднимает меч всечеловеческого страдания и своего сострадания «на небеса небес, в Его жилище. Никто не попытается извлечь из сердца Птицы смертоносной стали. Он сам пришел себя на смерть обречь». В этом видении мы замечаем, как встречаются два противоположно направленных движения: Богородица, собирающая в Церковь все, что осталось от человечества, возносит к Богу муку и молитву христианства и ответным движением крылья Духа, Параклета, осеняют мир, Он вновь высиживает творение. Богородица и Св. Дух встречаются — меч Ее Креста ранит Птицу — и должно произойти второе огненное крещение. Об этом сказано не только в поэме, но и в заключении мистерии «Семь чаш»: «Неопалимой Купине причастны, Крещаемы Огнем Святого Духа»¹⁴, где Неопалимая Купина также намекает на Богородицу.

Этому видению при всей его эсхатологической крайности можно отыскать обоснование в Св. Писании: прежде всего в начале книги Исайи (4:4), где поманут дух огня, и в ее завершении (64:1-2, особ. Таргум), где Дух Святого зовут сойти, а также в многократно всплывающем в образах поэмы «Духов день» видении Иезекииля (37) о Духе, животворящем сухие кости. Само понятие огненного крещения, огненного схождения Духа-Птицы в конце, конечно, восходит к Евангелию от Луки (Лк 3:16; 3:22) и оно вполне подготовлено контекстом межзаветной и мистической иудейской литературы, образами огненного потопы (1 Енох 67:13), Голубя-Вестника (ТВ Санх, 95а) и крылатой Шехины. Однако нам представляется, что образ Св. Духа-Птицы нуждается в дополнительном рассмотрении. Первый библейский стих показывает нам Духа матерью-птицей, защищающей птенцов (mhrtr — согласно традиционному толкованию, — парить над гнездом, касаясь его крыльями, Быт 1:1). Затем этот образ возникает снова в одном из важнейших для библейской веры текстов — прощальной песне Моисея: «как орел вызывает гнездо свое, носится над птенцами своими, распростирает крылья свои, берет их и носит их на перьях своих, так Господь один водил его, и не было с Ним чужого бога» (Втор. 32:11-12). Ему вторит пророк Исайя: «Как птицы птенцов, так Господь Воинств покроев Иерусалим, защитит и избавит, пощадит и спасет» (Ис. 31:5). Мы видим, с какой настойчивостью выражается в этих образах идея защиты, и не воинской защиты, которую дает муж брани (это также присутствует в Св. Писании), а защиты материнской, теплой, защиты укрытия. Кажется, что это легче всего почувствовать там, где речь как будто идет о другом, о земном, когда Вооз говорит Руфи: «да воздаст Господь за это дело твое, и да будет тебе полная награда от Господа Бога Израилева, к Которому ты пришла, чтобы успокоиться (точнее, «укрыться» — А.Ш.-В.) под Его крылами!» (Руфь 2:12). В этом стихе происходит удочерение: чужеземка (Руфь 2:10) становится родным птенцом. Тем самым задолго до появления особой концепции Духа Утешителя — Параклета рождается образ Бога-Защитника, защищающего творение. Чем? Своей, своими крыльями, своим Крестом. Говоря «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Мф. 23:27), Спаситель описывает Себя не как орла, парящего в небе, но как мать-наседку. Крылья Духа должны принести в эсхатоне окончательное огненное спасение. ММ с удивительной точностью воссоздает апокалиптическую атмосферу раннего христианства, выражение

«Птица-Вестник свободы» кажется будто взятым из 4 Ездры или Завещания Авраама.¹⁵

Однако, так хорошо подготовленное в этих терцинах торжество огненного крещения не происходит, человечество, как анти-, так и псевдохристианское, отрывается от свободы:

О, Дух животворящий, этой боли
Искал Ты? О, неузнанная весть,
Людьми не принятая весть о воле.
Где среди потопа Белой Птице сесть?
Где среди плевел отобрать пшеницу?
Что может пламень в этом мире съесть?
Лети от нас, истерзанная Птица.
К Тебе никто не рвется, не привик.
Не можешь Ты ничьей любви добиться.

Вместо Нового Иерусалима из всего земного шара вырастает голгофская гора, вместо всеобщего воскресения в вечную жизнь происходит «черное воскресение», которому не подберешь толкования:

На площади Пилатова двора
Собрались все воскресшие народы,
И у костра гул голосов. Жара.
Как будто не существовали годы, —
Две тысячи годов исчезли вмиг.
Схватили Птицу, Вестника свободы.
В толпе огромной раздается крик:
«Распни ее, распни ее, довольно».
Вот кони стражи. Лес блестящих пик.

В наступившем полном и окончательном мраке совершается распятие Св. Духа. И коснувшись такого дна отчаяния, которого, как мне кажется, никто не описывал, ММ прозревает парусию: человечество ожидает Сына Божия, грядущего в славе:

Небесный полог распахнулся вдруг...
Труба архангельская нам рокошет...
Не смею больше...

Здесь поэма завершается, самого Пришествия ММ не описывает.

Распятие Птицы кажется нам пророческим видением, которое не поддается объяснению «эвклидовым разумом», однако, коль скоро ММ это написала, мы можем попытаться как-то это для себя истолковать. Мне представляется, что распятие Св. Духа — это образ совокупных мук всех бесчисленных невинных жертв того времени, всех невинно убиенных тоталитарными режимами XX в. Мученику открываются тайны Божьи («свидетельство Иисусово есть дух пророчества», Откр 19:10) и потому прмц. Мария провидела, что совокупная жертва всех невинно убиенных отклонила от человечества заслуженную им гибель и привела его под Покров Пресв. Богородицы и крылья Св. Духа¹⁶. А нам остается благодарно принять из их рук подаренное нам будущее — третье тысячелетие.

26 сентября — 11 ноября 2005

материал взят с сайта Синодальной богословской комиссии <http://www.theolcom.ru>

1 Я буду и в дальнейшем называть прмц. Марию — Мать Мариа (ММ), поскольку так ее называли соратники и мы все — те, для кого ее почитание началось задолго до канонизации.

2 «Вторая евангельская заповедь», Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. Имка-Пресс, Париж, 1992, т. 1, стр. 230. Далее все несогласованные цитаты по этому изданию.

3 «Под знаком гибели», т.1, стр. 189.

4 «Размышления о судьбах Европы и Азии». Мать Мария. Жатва духа. «Искусство—СПб», 2004, стр. 469.

5 ММ, т.1, стр. 198.

6 «Размышления о судьбах Европы и Азии». Мать Мария. Жатва духа. «Искусство—СПб», 2004, стр. 496.

7 Д.Бонхёффер. Сопротивление и покорность. М., Прогресс, 1994, стр. 284.

8 ММ, т.1, стр. 100.

9 Там же, стр. 102, 104.

10 Там же, стр. 123.

11 Мать Мария. Стихотворения, поэмы, мистерии... О. Zeluck, Paris, 1947, стр. 22–37.

12 Г. Беневич, Мать Мария. ВРФС, СПб, 2003, стр. 276–290. Поэму «Духов день» см. также в приложении к этой книге, стр. 297–314.

13 Мать Мария (Скобцова). Типы религиозной жизни. СФПХШ, М., 2002, стр. 35.

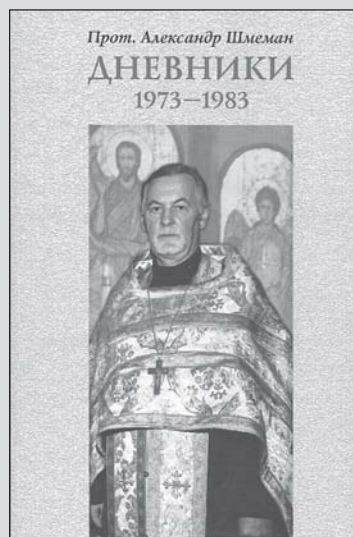
14 Кузьмина-Каравасва Е.Ю. Избранное. М., Советская Россия, 1991, стр. 186.

15 «Птица — Вестник Свободы» в межзаветной литературе и иудейской мистике отсылает к Быт. 8:11, где масляная весть в клюве голубя означает возвращение Божественной милости — земля освобождается от воды.

16 Такой образ Св. Духа возникает в размышлениях англиканского богослова Доналда Николла, однако я знаю об этом только из посвященных его памяти стихов Ольги Седяковой:

«... те, с Колымы и Магадана,
чьи имена неизвестны и чьи лица, как Вы говорили,
сложатся в лик Святого Духа».

“НОВЫЙ” ШМЕМАН

В издательстве «Русский путь» вышла давно и с нетерпением ожидавшаяся книга одного из самых известных православных богословов и церковных деятелей XX века протопресвитера Александра Шмемана «Дневники. 1973–1983».

Написанные по-русски восемь тетрадей с записями о. Александра были найдены после его смерти в рабочем кабинете в Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке и изданы вначале на английском языке. Теперь пришел черед познакомиться с ними и русскоязычному читателю. Написанное впечатляет многим: объемом (более 700 страниц), широтой охвата жизни (духовная жизнь, политика, литература, искусство, природа, люди...), замечательным литературным языком и т.д. Но главное — мы, наконец, видим о. Александра «глаза в глаза». Это не значит, что перед нами предстает «частный человек». Вдохновенный, яркий, глубокий и поэтому всегда казавшийся немного «неотмирным» Шмеман остается богословом и в своих сугубо личных, не предназначенных для чьего бы то ни было взгляда, записях. Однако поражает не это, а именно личная его заинтересованность в осмыслении и разрешении самых острых и болезненных церковных проблем и открытость в суждениях о них. Описание круговорота дел в семинарии, превратившейся под его руководством в одну из крупнейших православных богословских школ, и — горькие слова о том, что всякая семинария в каком-то смысле развращает молодого человека, потому что отрывает его от жизни, учит «вождизму». Радость о Боге, о Церкви, ощущение им полноты, силы и глубины Православия, свидетельство о нем в инославном мире, и — постоянно мучившее его ощущение, что во всех странах современная православная церковь, как страус, прячет свою голову под крыло, чтобы не видеть реальности. Мало того. «Впечатление такое, — пишет он, — что, когда их выгнали из «истории», христиане начали с противоположного тротуара потрясать кулаками, заодно ссорясь между собою. И показывать друг другу фотографии: кто — Св. Софии, кто — Василия Блаженного, кто — афонских монастырей. А также репродукции православных икон...».

Ему душно от «религиозности», которую слишком многие христиане, в т.ч. православные, исповедуют вместо веры во Христа-Богочеловека. Он выводит страшную формулу: не атеизм, а «...неочищенная, непросветленная религиозность и есть средоточие демонического в мире». Он ясно видит, что и в церкви, и в культуре начинается торжество «Ферапонтов» Достоевского или, как еще называет их о. Александр — «нео-нео-славянофилов», у которых «только один враг, — человек, свободный «во Христе», т.е. единственно подлинно свободный».

Итак, перед нами во многом «новый» Шмеман. Может быть, некоторые его почитатели или сторонники его литургических разработок будут разочарованы и даже возмущены. Что делать...

Он не боится достаточно резких критических замечаний по отношению к самым разным людям. Например, к восторженно встреченным на Западе диссидентам, а также к «почитаемым столпами»: Солженицыну, еп. Василию (Родзянко), архиеп. Иоанну (Шаховскому) и др. Но и их, и самых «маленьких», несчастных и грешных людей он всегда видит не холодным взором аналитика, а любящим оком пастыря. Собственно, свои дневники он и пишет потому, чтобы «груда дел, суматоха явлений», даже самых церковных и необходимых, не закрыла от него живых людей, богослужения, стихов, музыки, золота падающих листьев. Именно в этом он и находит подлинное бытие, подлинное ощущение Бога и Церкви.

А.М. КОПИРОВСКИЙ

ЖИТЬ ВМЕСТЕ

В Париже на девяносто девятом году жизни отошла ко Господу Элизабет Бер-Сижель

В ночь с 25 на 26 декабря на 99 году жизни отошла ко Господу Элизабет Бер-Сижель — человек подлинной христианской веры, профессор философии и богослов.

Она родилась 21 июля 1907 года во Франции, закончила богословский факультет Страсбургского университета, была пастором в реформатской Церкви Эльзаса-Лотарингии. Под влиянием о. Льва Жилле приняла Православие. Преподавала в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. В 1970-х гг. была старостой франкоязычного православного прихода Святой Троицы в крипте собора св. Александра Невского на рю Дарю в Париже. Работала во Всемирном Совете Церквей. Занималась историей церкви и проблемами женских служений в ней.

До последних дней вера её была живой и действенной, в чём могли убедиться все, кто с ней общался. В апреле 2005 года делегация Сретенского братства встречалась в Париже с Элизабет Бер-Сижель. Она с искренним интересом расспрашивала о жизни братства и Свято-Филаретовского института. Сегодня мы публикуем интервью, данное во время этой встречи.

Нас очень интересует то время, такие люди, как отец Сергей Булгаков, отец Лев Жилле, нам очень дорого их вдохновение, огонь их веры. Мы считаем наследие, которое они оставили, важнейшим для православной церкви в целом. Каково Ваше впечатление о том времени, о тех людях?

Элизабет Бер-Сижель: В православие меня принял отец Лев Жилле. Это произошло одновременно с созданием первого православного прихода, где богослужение совершалось на французском языке.

В то время я была студенткой протестантского богословского института в Страсбурге. Тогда женщинам впервые было разрешено изучать богословие. И в Страсбурге среди студентов были русские, которые получали стипендию. Это совпало с началом экуменического движения. Мы тогда часто общались с православными братьями. В 1928-м году был съезд в Париже, куда я приехала как представитель института. Православные

пригласили меня праздновать Пасху (в том году это празднование не совпало), и я пошла на пасхальное богослужение в храм Богословского Института в Париже. Я не все поняла, но почувствовала радость и невероятное ощущение церкви одновременно очень старой и очень молодой. И я сразу подумала: мне надо больше знать об этой церкви.

В следующем году я переселилась в Париж, чтобы дальше изучать богословие. Как раз в это время возник первый франкофонный православный приход. В его создании особое участие приняли о. Лев Жилле, Павел Евдокимов, Владимир Лосский. И они мне сказали: теперь вы можете приходить к нам. И я ходила в одно воскресение в католический храм, второе воскресение — в протестантский, третье — в православный. Кончилось тем, что я ходила только к православным. Благодаря отцу Льву я познакомилась с отцом Сергием Булгаковым, но я, конечно, лучше знала отца Льва, потому что он был французом. И все же это именно русские создали первый храм, где служба шла по-французски, потому что они были уверены, что надо принести православие французам не как иностранную церковь, но как жемчужину, уже существующую у них, но спрятанную. И этот приход совместно с Богословским институтом сыграл большую роль в свидетельстве православия на Западе.

В центре — Элизабет Бер-Сижель, справа от нее член братства «Сретение» Сергей Нестерович, слева — Лидия Оболенская

Что Вы считаете самым главным из опыта того времени, тех людей, чтобы православие сохранилось и здесь и, может быть, в России?

Э. Бер-Сижель: И у отца Сергия, и у отца Льва было огромное чувство соборности Церкви. Соборность, конечно, включает в себя и целостность веры, и ее универсальность.

Это было время, когда рождался экуменизм, когда мы искали для себя, что такое Церковь, искали не столько интеллектуально, сколько для того, чтобы жить в общении и не «против» других христиан, жить вместе и двигаться вперед вместе. Тогда православие было открытой церковью. Теперь же кажется, что все в прошлом, и православная церковь больше не является открытой церковью.

Что можно пожелать верующим в России?

Э. Бер-Сижель: Свободы.

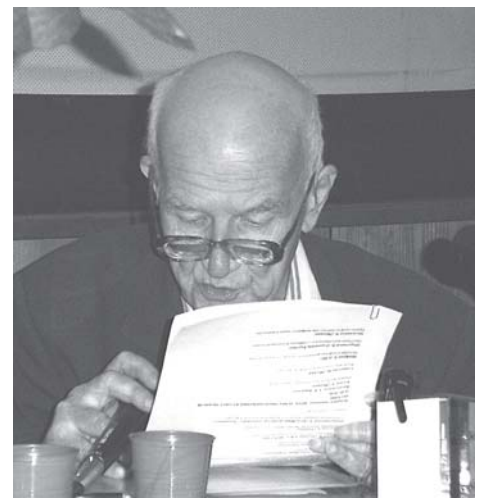
СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, УХОДЯ, ЗАВЕШАЛ ЕМУ СВОЮ ВЕРУ

Слово свящ. Георгия Чистякова на отпевании Михаила Леоновича Гаспарова

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Дорогие братья и сестры, я не стал читать сейчас разрешительную молитву, потому что прочитал ее еще стоя у кровати Михаила Леоновича, только что ушедшего, когда душа его была только что взята Богом. Очень трудно говорить о Михаиле Леоновиче. Очень трудно говорить о том, как дорог он нам всем. Наверное, не случайно сегодняшнее Евангелие на Литургии содержало слова: «Придите ко Мне, — говорит Христос, — все труждающиеся и обремененные, и Я упокою Вас. Возьмите иго Мое на себя, и научитесь от Меня: ибо Я кроток есть и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть».

В последние годы своей жизни Михаил Леонович уже полностью понял, что такое это иго, которое благо, и бремя, которое легко. Он всегда подчеркивал, что они с Сергеем Сергеевичем разделили сферы: все, что касается церковного, делает Сергей Сергеевич, а все, что касается светской литературы, делает он. В последний год своей жизни — а может быть, и раньше, я не знаю — он вдруг начал чувствовать Бога всем сердцем. Может быть, Сергей Сергеевич, уходя, завещал ему свою веру. Я помню, как Михаил Леонович стоял в дверях Успенского храма на Вражке во время отпевания Сергея Сергеевича, тоже заочного, и какое у него было лицо. Когда я вышел из храма, он еще стоял, а потом тихо исчез, чтобы никому не навязывать своего присутствия. И вот, так же, как полностью отдавался Михаил Леонович работе, так же, как полностью отдавался он тексту, который переводил, так он отдал себя Богу. Он каждый день молился. Он причащался Святых Таин. Над ним было совершено Таинство Соборования, которое он принял как великую радость, как великий дар от Бога. И поэтому не случайно мы сегодня собрались в церкви, чтобы молиться о нем. Это не какая-то дань тому, что теперь всех отпевают. Нет! Это что-то абсолютно личное, абсолютно его, это тайна его личных отношений с Богом.

Вчера очень многие люди говорили о том, какое значение имеет то, что сделал Михаил Леонович. Действительно, надо сказать, что было искусство перевода «до Гаспарова» и теперь есть искусство перевода «после Гаспарова». Никто не умел до Михаила Леоновича так точно передавать самые сложные латинские, греческие, а потом и итальянские, и другие стихи по-русски, так, чтобы в них был при переводе минимум потерь или вовсе даже не было потерь. Мне был дарован такой замечательный опыт. В студенческие годы я перевел довольно много, но совсем полностью «Ars amandi» Овидия. Потом вышел Овидий в переводе Петровского и «Ars amandi» в переводе Михаила Леоновича. Сравнение двух текстов — моего, студенческого, и его — меня потрясло до глубины души, потому что я увидел, как можно, как нужно и — в то же самое время — как невозможно работать с текстом: как можно сделать русский текст

до такой степени близким к оригиналу. Я помню, как он читал еще не напечатанных вагантов, и — то же самое: следя за ним по книжке, мы все — студенты Московского Университета — поражались, как это сделано. Нет — не профессионально, здесь слово «профессионально» не подходит. Это было сделано так, как никто другой не умеет и, наверное, еще долго не будет уметь переводить.

Мне не хочется говорить долго. Мне бесконечно больно и бесконечно радостно от того, мы можем молиться за этого чудесного, за этого прекрасного, за этого добрейшего и деликатнейшего человека. Человека, который никогда никому не навязывал себя. Человека, который всегда умел уходить в тень. Человека, который так много сделал и так пламенно уверовал и встретил Бога в своей жизни. Будем молиться, братья и сестры, о дорогом, бесконечно дорогом нам Михаиле Леоновиче. И будем помнить, что эти наши молитвы о наших родных и близких, о наших усопших — они, так же как и в Таинстве Евхаристии, когда мы поминаем их во время Евхаристического Канона, соединяют нас в одно единое целое. Потому что во Христе мы едины. Мы, живущие и усопшие, — одно во Христе, и об этом никогда не надо забывать.

Москва, 11 ноября 2005 г.

Великий русский ученый Михаил Леонович ГАСПАРОВ (1935-2005) был знатоком античной и средневековой литературы, русской поэзии XIX-XX веков, крупнейшим специалистом в области теории стиха. Среди его переводов Эзоп и Диоген Лаэртский, головоломные «Поэтика» Аристотеля и «Наука поэзии» Горация, «История» Геродота и «Наука любви» Овидия, лирика вагантов, «Неистовый Роланд» Ариосто и секвенция «Dies irae». Трудно найти издание латинского поэта, которое обошлось бы без заботливого и кропотливого участия Гаспарова, а его книга «Занимательная Греция» стала классической, едва выйдя из печати. В последние годы своей жизни М.Л. Гаспаров работал над подготовкой академического издания сочинений О. Э. Мандельштама.

Нашу газету можно приобрести:
В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул.

Николаямская, д.6); в книжном киоске первого гумфака МГУ; в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, 9); в Париже: в магазине «YMCA-Press».

Телефоны распространителей:
Москва: (095) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 210-7006 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); Тверь: 8-082-250-2308 (Олег Ермолаев); Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров); Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова)

Редакторы:
Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:
Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Анастасия Наконечная
Елена Швелсва
Александра Ошарина

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Марсев
Верстка: Татьяна Тыртыш
Анна Лепехина

Тел./факс: (095) 923-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.